

Грамин Андрей

Игры с Вечностью

Андрей Грамин
Игры с Вечностью

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Грамин А. И.

Игры с Вечностью / А. И. Грамин — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Еще утром он считал себя совершенно обычным человеком, как вдруг начал вспоминать свои прошлые жизни. Из современности в Испанию расцвета Инквизиции, Англию 19-го века и Италию позднего Ренессанса, и все ради того, чтобы понять, кто он на самом деле, и за что его судьбу поставили на кон в споре между силами добра и зла. Обычный человек. Хотя, человек ли? Как не задуматься над этим, когда тебе начинает помогать существо другого порядка, назвавшееся твоим другом. А еще эта девушка, преследующая из жизни в жизнь. Кто она, и что за проклятие тяготеет над ней? И хуже всего, времени на поиск ответов уже практически нет.

© Грамин А. И., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

1	5
2	23
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

1

Облака летели медленно, неспешно. Когда-то люди верили, что именно в них превращаются души умерших людей. Грозовые тучи – плохие; легкие, перьевые облака – чистые души. Именно об этом и думал Виктор, глядя в окно. Чьи же это были верования? Вспоминая, он на секунду прикрыл глаза, отчего рука, в которой покоилась сигарета, немного опустилась вниз, и коснулась пепельницы, одиноко стоявшей на подоконнике. Пепел упал, глаза открылись. Нет, он не помнил. Что-то многое забывать стал. Годы, что ли? Он улыбнулся этой мысли. Ну да, в двадцать восемь лет о прожитом думать еще рано. Хотя, столько дел наворочено за это время. ... Да что там, все это лишь суета, мелочи, не стоящие его воспоминаний. А облака плыли в высоте, сменяя друг друга. Они обретали самые причудливые формы, давая образы, иногда напоминающие что-то родное, давно забытое и утраченное, но что незримо присутствовало в памяти. Черт его знает, может, и впрямь, души? Смотрят на нас, свысока... улетаая в вечность.

Мысли прекратились как по мановению волшебной палочки, и он уже не помнил, о чем думал, любуясь небесами бездонно-синего цвета, и слушая шелест ветра в желтеющей листве. Виктор и сам не знал, отчего из всех времен года он больше всего любил осень. Это было странно, как ему казалось. Большинство людей любит лето или конец весны, когда тепло, и вокруг бурлит жизнь. Часть народа отдает предпочтение началу весны, когда все оживает. Еще меньше существует людей, кто положительно относится к зиме, и то, потому что для них зима – это снег, елки и мандарины, память о давно утраченном беззаботном детстве. Меньше всего люди любят осень, особенно дождливую. Виктору же нравилась любая осенняя погода, хотя, он и сам признавал, что лучше всего не дождь, а солнце, когда в тени холодно, а на свету тепло, как бывает в середине октября. Кто-то сказал, что осень любят только те, кто устал; пусть не от самой жизни, но от того, что их окружает. Виктор устал от обыденности. Он чувствовал, как она его преследует, качаясь в воздухе серым туманом, затрудняет дыхание; как камень давит на шею, не давая разогнуться во весь рост. Кто-то всю жизнь так живет, а кто-то не может так жить. Да, терпит. А что еще остается делать? Виктор тоже терпел. Он именно терпел всю свою жизнь.... Нет, Ильин никогда не являлся мечтающей и сентиментальной натурой, ему не были свойственны переживания и жалость к себе. Но, тем не менее, серость будней мешала жить, и душа требовала свободы.

Вообще, в руках Ильина все буквально горело, и сделать что-то по дому не составляло никакого труда. Когда у него спрашивали, почему же до сих пор не женился, в отличие от своих друзей, он не раз повторял, что стирать, готовить и гладить он умеет не хуже (а, может и лучше) любой женщины, а вот любовь пока еще не встретил. Когда встретит, тогда и женится. Последние его отношения длились год, и ничего, кроме чувства облегчения по их окончанию не дали. Поэтому Виктор, расставшись с Никой, перекрестился и уже два месяца как отдыхал. Ничего серьезного не хотелось. У него была любовница, пара случайных связей на море ушедшим летом, и все. За любовь говорить не приходилось, так как что это такое и с чем ее едят, он не знал. Да, вокруг говорили: любовь! Безумие! Страдание! Чудо! Ему до этого всего не было дела. Придет час, и тогда сам станет ненормальным, а пока вместо сердца у него стояла какая-то операционная система, не дававшая сбоев, все просчитывающая и во всем подчиняющаяся разуму. Виктору романтика тоже была не чужда, каким-нибудь непробиваемым и ограниченным он никогда не был, но это чувство накрывало его редко, и уж если совсем было туго. У него романтика была грустной, ностальгической. Вот, как сейчас.

Он докурив сигарету и начал другую. Вернулся вопрос: почему же он любит осень, в отличие от большинства? Даже не задумываясь, Виктор ответил сам себе. Неизвестно почему, но, наверное, с тех самых пор, как начал ходить, с приходом осени он подсознательно ждал

чего-то такого хорошего, неожиданного и захватывающего, что напоминало бы чудо. Это ЧТО-ТО должно было кардинально изменить его жизнь. Что это? Да кто его знает.... Неизвестно что и неизвестно когда, но дети так не ждут Новогодние праздники, как Виктор ждал осень; и с замирающим сердцем, каждый раз, когда желтели листья, он думал: ну когда же? Ему это напоминало ситуацию, когда человек, сидящий на чемоданах, прислушивается к тиканью часов и ждет звонка, по которому он встанет и спустится на улицу, чтобы ехать в аэропорт, куда-то лететь. Куда-то, где ждут, и где все родное, где нет ничего обычного и серого, одним словом, куда-то, где есть счастье. Нет, в голове не крутились никакие мечты по этому поводу, и это ожидание не мешало жить; наоборот, незримо и неосознанно оно давало надежду, с которой, как говорят, в десять раз легче, чем без нее.

Такое же небо с такими же облаками в Андалусии. Черт, откуда эта мысль, пришедшая в голову? Она возникла там сама по себе, как будто кто-то посторонний шепнул ее на ухо, но Виктор знал: эта мысль его. Откуда же ему, хоть и выросшему на юге, но, ни разу не бывавшему за границей, знать, какое небо в Андалусии? Да он Испанию на карте только с помощью бинокля найдет, а тут небо Андалусии. Бред, да и только! Ильин даже заулыбался своей дурацкой мыслью. Андалусия! Он закрыл глаза, затянувшись, и в голове как моментальный кадр, всего на секунду, возникли узкие, мощенные камнями со дна Гвадалквивира улицы Севильи, с желтыми и серыми невысокими домиками, залитые белым солнечным светом. Апельсины и гранаты в садах облепили ветви деревьев, стоял свежий запах пряностей из чьей-то лавки, и действительно, небо было синее и бездонное, оно сходилось с горизонтом за поворотом улицы, уводящей вверх, на холм. И такие же причудливые облака плыли над красной черепицей похожих друг на друга домов с террасами. Ильин открыл глаза, и мороз прошел у него по коже. Откуда эта картина, такая живая и такая яркая? Но растерялся он лишь на мгновение. Потом раздался вздох облегчения. Снова затяжка. У него же сто кабельных каналов, и по какому-нибудь из них, да и показывали Испанию, а уж Севилью обойти в таком случае они точно не могли. Недавно была передача про Барселону, и ее собор, Саграда Фамилия, который строится почти век. Значит, и про Севилью рассказывать могли попутно. Голова впитывает информацию, чтобы потом выдавать ее неожиданно, вот как сейчас. Так что удивляться нечему. Хорошо, что все так просто, а то он опешил от настолько ярких образов.

За окном начинались сумерки, было двадцать девятое октября, пятница. Виктор полчаса назад пришел из магазина бытовой техники, где работал сначала продавцом-консультантом, а потом, совсем недавно, стал первым заместителем директора по отделу крупной бытовой техники. За полтора года неплохой рост. В этой огромной сети магазинов, как паутина охватывающей половину России, добиться повышения было сложно, так как люди держались за свои места с очень неплохим заработком. Итак, продавец, старший продавец, заместитель директора. Что дальше? Директор магазина, начальник отдела оптовых закупок, коммерческий директор и дальше до директора филиала. Все было распланировано, и его это совершенно не интересовало. Он знал, что добьется своего по-любому. Да и не могло быть иначе с его умом, упорством и целеустремленностью. Уж в чем, а в людях, и во всех тонкостях торговли он разбирался, значит, и успех был неминуем. Об этом даже не стоило раздумывать, так как его уже заметили наверху, и постепенно подтягивали смышленного парня к вертикали власти фирмы. Так что годам к тридцати трем – тридцати пяти, он будет зарабатывать столько, что хватит и на частный дом, и на пару машин подороже, и на отдых в любой точке мира. Не говоря уже про образование детям, которые к тому времени непременно появятся, ведь не сможет же он всю жизнь оставаться неокольцованным. Это были планы на будущее, и он к ним относился как к неизбежному, без любых эмоций. Ничто не волновало в этой жизни, кроме, конечно осени. Только ее дыхание за окном будоражило сердце и заставляло его биться чаще.

Ильин потушил окурок и встал. Внешне это был высокий молодой человек, кареглазый, с каштановыми вьющимися волосами. Так как он был коротко стрижен, волосы не вились, но

в детстве у него был хвостик, и тогда из-за шевелюры и приятных черт лица его вечно принимали за девочку. В восемь лет он принял самостоятельное решение изменить внешность, а в особенности прическу, и с тех пор коротко стригся. Тонкий нос средней длины с четко очерченными крыльями, полные губы и восточные глаза с длинными ресницами. Может и не из-за внешности и телосложения, а из-за шарма или обаяния, но он нравился девушкам. Виктор с детства бегал на длинные дистанции, и к выпуску из школы у него был первый разряд по легкой атлетике. После окончания школы Виктор забросил спорт, но так и остался сухим и жилистым, как гончая. Черты его лица были бы женственными, если бы не жесткая складка у рта и волевой подбородок. Две ранних морщины разрезали лоб. Одна маленькая, между бровей, а другая горизонтальная, посередине лба. Из-за них, а особенно если на щеках была двухдневная щетина, он казался года на четыре старше. Лицо было слегка угловатым из-за сильно развитых скул, но это почти сгладилось с возрастом, и годам к тридцати обещало исчезнуть совсем. Жесткий, немного надменный, но ироничный взгляд выдавал волю и сильный характер, какой, несомненно, у Виктора и был. Есть теория, что жесткость характера обуславливается грубым именем, без гласных на конце. Так это, или нет, но Виктор Олегович этой теории соответствовал полностью.

В детстве он был заводила и лидер, но со временем это потерялось. Все компании юности неизбежно распадаются, и мы остаемся в одиночестве. Но Виктор не отчаивался, его вообще мало волновало одиночество и мнение других. Когда он, придя из армии, где два года служил во внутренних войсках, не увидел на районе знакомых лиц, даже грусти не проскользнуло в сердце. Из всей доармейской компании осталось только два друга, и их хватало с лихвой. Остальные либо переехали, либо спились, либо сторчались, либо настолько глубоко ушли в семейный быт, что их обратно было уже не вернуть. Но это не ново, в жизни бывают потери и побольше. К настоящему времени с двумя друзьями юности Ильин виделся редко, у каждого была своя жизнь. Все, что могли пережить их отношения, они уже пережили, и, значит, дружба непременно должна была дожить до старости, пройдя через всю жизнь. Да, пусть редки встречи, но как тепло, когда видишь близких людей...

Между тем сумерки сгустились, солнце исчезло за краем горизонта, и Ильин включил свет в квартире. Чем бы ему заняться? Изю дня в день одно и то же... Книги уже перечитаны по паре раз, фильмы в домашней коллекции пересмотрены. Телевизор Виктор смотрел только в девять вечера, чтобы узнать последние новости. Кто-то сказал, что ночь, проведенная в одиночестве – это потерянная ночь, и Ильин был с этим согласен полностью. Но что ему оставалось делать, когда Варвара (любовница) была в отъезде, и обещала вернуться только через три дня? Одним из хороших способов убежать от скуки была работа, в частности по дому, но, как назло, делать было нечего. Вещи были чистыми и глажеными, пыли нигде не видно, все предметы на своих местах. Тоска. Он печальным взглядом окинул комнату. Эта квартира досталась ему от матери, переехавшей в Москву к новому мужу, с которым познакомилась лет семь назад. Своего родного отца Виктор и в глаза не видел, но мало переживал по этому поводу. Как его зовут, и кто он по профессии Ильин не интересовался с самого детства, и поэтому чисто теоретически отцом мог оказаться любой мужчина старше пятидесяти лет, проживающий в том же городе. Зато Виктор очень хорошо знал, каким человеком был его отец в моральном плане, и больше ничего ему знать не требовалось. Со стороны матери это была ошибка юности, Виктор у нее появился, когда ей стукнуло семнадцать. Правда, она ни о чем не жалела. За то, что мать вырастила его без любой посторонней помощи, сын прощал матери все, и считал достойной памятника при жизни. Но это долгая и банальная история, каких по всей России, было, есть и будет еще сотни тысяч. Отличаясь умом, Виктор во всем имел свое мнение, и мог бы, сославшись на личную обиду матери к отцу, решить, что тот, может быть, был и не таким уж плохим человеком, каким его выставляли. Но мать являлась во всем прямолинейной и нестигаемой, здоровой в суждениях женщиной; и то, что она почти всегда приводила факты, убеждало в ее правоте.

Как бы там ни было, но свобода, обретенная с переездом матери лет пять назад, и радовавшая Виктора по началу, теперь его тяготила. К одиночеству он привык, но, конечно, хотелось рядом видеть человека, которому доверяешь. Три комнаты казались пустыми и ненужными, и сама небольшая квартира советской планировки стала слишком большой для одного. Ильин подавил вздох, и пошел обратно на кухню, где провел инвентаризацию холодильника. Готовить ничего не хотелось, он просто достал сковородку со вчерашним фаршированным перцем, и, не разогревая, съел, полив тот сметаной.

В тот вечер был какой-то эмоциональный спад, редкий для деятельной и темпераментной натуры Виктора. Он знал, что бороться с этим бесполезно, и хандру, как простуду, нужно просто пережить. После ужина мужчина включил-таки телевизор, чтобы просмотреть поток новостей по центральному каналу. Как обычно, все сводилось к одному: мир катится в пропасть; на что Ильину было глубоко параллельно. Потом он переключился на радио, но оно быстро наскучило, и, проверив электронную почту, которая оказалась абсолютно пуста, Виктор начал стелить постель. Он это делал вопреки своему обыкновению не ложиться спать раньше часа ночи. Спать не хотелось, но это состояние приходящее и уходящее, а так как он умел, когда надо, полностью выключать свои мысли, сон должен был вскоре прийти. Так и вышло, мужчина и сам не заметил, как заснул. Правильное решение: отдых лишним для организма не бывает, и тем более он не лишний, когда больше нечем заняться. Засыпая, Ильин знал, что утром, вместе с поднявшимся солнцем, поднимется на позитивную ноту и настроение.

Вообще Виктор редко видел сны, не чаще чем раз в месяц. Ученые говорят, что сон без сновидений самый здоровый и крепкий, потому как мозг в это время лучше всего отдыхает. Виктор всегда спал крепко, но когда видел сны, это была его радость. После любого сна, даже кошмара, у него оставалось приподнятое настроение, которое держалось весь день. Но в этот раз ему снились вовсе не кошмары. Снилось ему, настолько ярко, что казалось живым, бездонное небо Андалусии. Виктор даже чувствовал ветер на своей коже, запахи трав и шум воды в ручье. Он жил в этом сне.

Испания. Андалусия. Конец XV века.

Виттор на рассвете вышел из дома, чтобы полюбоваться поднимающимся солнцем. Ярче солнца сияла только его улыбка. Счастье. Если с кем и могло случиться счастье, то оно ни в какое сравнение не шло с тем, которое испытывал в этой жизни Виттор Алехандро Фелипе Хуарес де Ихо. Он, сын богатого торговца сукном из Севильи, через две недели женился на самой красивой девушке в городе, а, может и во всей Андалусии – Анне.

Было начало мая; земля уже давно отпустила от себя зимнюю стужу, холод, и снег, и раскрывалась миллионами цветов, колосистыми травами и листвой на деревьях. До периода летней духоты, который испанцы называют «каникула», оставалось еще месяца полтора, и Виттор как ребенок радовался свежести и теплу. Это ощущалось более остро, потому что он был счастлив, и все, о чем он мог только мечтать, сбывалось. Его любила самая красивая девушка Севильи, и она не зря такой считалась, поверьте мне. Человек, который не родился испанцем, и не жил в то время, не знает, что значила девушка с белокурыми волосами для любого представителя мужского населения Испании, от старого идадьго до молодого кабальеро (не говоря уже о простых смертных – крестьянах, буржуазии и цеховиках). В те времена, когда блондинка проходила по улице, движение на ней останавливалось, и среди всеобщего молчания, то тут, то там звучали восхищенные возгласы и признания в любви. Нечему удивляться, красок для волос тогда не было, а ухищрения итальянок, которые знали секреты обесцвечивания волос, еще не приобрели силы в Испанском Королевстве. Анна, дочь зеленщика, от природы обладала прекрасной гривой пышных, чуть выющихся волос медово-соломенного цвета. Карие, красивые глаза с поволокой, гордый овал лица, пухлые губки, точеный прямой носик, и грация королевы... Она

была незабываема и восхитительна. Отец Анны был не беден, хотя и не богат, но для дочери на лучшие наряды, украшения и прочие капризы, старый вдовец Себастьян денег не жалел. Из-за этого они и встретились с Виттором, когда Анна с отцом пришли в лавку де Ихо – старшего, чтобы она сама выбрала отрез черного с серебряными нитями бархата на платье. Тогда Виттор увидел ее впервые, это было полгода назад.

У Анны, как и у любой красивой девушки, было множество поклонников, в число которых себя вписал и Виттор де Ихо. Во второй раз Анна пришла через две недели, без отца, в сопровождении одной лишь дуэньи, чтобы купить сафьян для туфель. Виттор попутно завел разговор, и она охотно пошла на него. Ей нравился молодой, кареглазый мужчина с выющимися каштановыми волосами и немного дерзким, веселым взглядом. Виттор был очень умен, образован, и умел поддерживать в разговоре любую тему. Отец спонсировал сыну обучение в Барселоне, тогдашней столице Испании, куда королева Изабелла Кастильская с супругом Фердинандом Арагонским переехали лет десять назад, прихватив и весь двор. Де Ихо – младший отучился на врача, и, вернувшись, готовился приступить к практике. Но жизнь все решает за нас. Правильно говорят: если хочешь насмешить Господа, то поделись с ним своими планами. Помешала болезнь отца, и Виттору пришлось вести вместо него торговлю, ездить за кожами в Кордову и в Малагу за Османской парчой. Еще на нем было руководство работниками, бухгалтерия и многое другое, так что скучать не приходилось. Отец выздоровел через полгода, но к тому времени Виттор уже основательно втянулся в интересную торговую жизнь, к которой отец до того старался его не допускать, обучая всему младшего сына Карлоса. Карлосу финансовые операции с детства были интереснее всего, но в то время он доучивался в Сорбонне, и приехать на родину не мог. Виттору теперь же вовсе не хотелось менять ножницы торговца сукном на ланцет хирурга. Отец не стал возражать, видя, как в сыне проснулась торговая жилка, о существовании которой он и не подозревал. Карлос был очень горяч, и во всем рубил сплеча, а в торговле нужна хитрость и расчетливость, умение выждать нужный момент. В Витторе все это было в нужном количестве. За время болезни де Ихо – старшего он расширил дело. Отца интересовала только оптовая и розничная торговля, а то, что его клиенты обращаются к портным, чтобы из купленной ткани шить одежду, не трогало. Сын об этом подумал. Старший за долгие годы торговли наработал обширную клиентуру, заработал авторитет и доверие честным ведением дел, ну а сын воспользовался тем, чтобы шить людям, что они хотят. Конечно, проще, когда не идешь от суконщика к портному, а сразу, здесь же заказываешь то, что надо и тебе потом доставляют товар домой. Сын ввел небольшую систему скидок, по которой человек, который привел еще кого-то за покупкой, получал пусть и маленькое, но все же материальное поощрение. Для мастерской по пошиву Виттор выкупил соседнее здание, обставил его необходимой техникой, и пригласил на работу одного из известнейших портных в Севилье вместе с его швеями и посыльным. Выручку делили таким образом, что всех все устраивало; тем более пожилой портной Альберто за долгие годы работы уже устал от организационных вопросов, и с радостью принял деловое сотрудничество, по которому он был наемным рабочим с огромной зарплатой, а всеми делами занимался Виттор. Портной мог беспрепятственно творить, и это было то, чего он хотел. Не имея родных детей, Альберто относился к Виттору де Ихо, как к сыну, и тот платил ему уважением. Дело стало приносить доход, и не маленький, и отец, вернувшись к управлению торговлей, с радостью отдал мастерскую сыну в полное владение, чтобы тот получал прибыль и расширял производство.

Итак, Анна пришла во второй раз, и Виттор без труда прочитал в ее взгляде интерес. Он и сам влюбился еще тогда, когда она впервые переступила порог лавки его отца, и, взглянув на него, весело улыбнулась. Вместе с ней в магазин ворвалось солнце и весна, обосновавшись в душе де Ихо. Какой была эта красавица? Анна была очень прямолинейна, не жеманничала и не кокетничала, как большинство знакомых Виттору девушек. Она отлично знала себе цену, обладала острым умом, отличным чувством юмора и была доброжелательна к людям,

особенно к старикам. Милая, добрая, открытая, но в то же время не по годам мудрая и умная, эта девушка, как острая дага – тонкий граненый кинжал, висевший у Виттора на поясе, засела у него в сердце. Она была полна противоположностей, и внутренняя простота, с которой Анна держалась, бросающаяся при первом знакомстве в глаза, являлась только иллюзией. От этого она была, конечно, только интересней. Многие неуверенные в себе мужчины боятся умных женщин, потому что с ними сложно, но Виттор считал, что жизнь и отношения не должны быть все время гладкими, потому как быстро наскучивают и разочаровывают. Осторожная и открытая, временами инфантильная, но во всем мудрая и осмотрительная, веселая, но редко улыбающаяся, Анна сочетала в себе несочетаемое.

После второй встречи и долгого разговора о всяких жизненных мелочах, когда он открыл для себя Анну как личность, они встречались еще дважды, и Виттор обезумел, словно дочь Изабеллы Кастильской принцесса Хуана. О Хуане в народе в то время ходило множество слухов и легенд. Но она помешалась по непонятным причинам, а Виттор впервые за тридцать лет полюбил. Он лишился сна, еда уже не доставляла удовольствия, а от вина только усиливалась грусть и хандра, преследовавшая с недавних пор де Ихо – младшего. Отец, заметив, что у сына все валится из рук, посоветовал тому сходить к уличным девкам, что не раз проделывал сам для поднятия настроения. Но Виттору было не до этого, и он лишь махнул рукой на совет родителя. Старый де Ихо в делах любви советчиком был некудышним. Он, быть может, и любил кого-то когда-то, но уже успел забыть о том в череде событий жизни, за всеми делками и вечной нехваткой времени в потоке дней, калейдоскопом сменявших друг друга. То, что отец не любит мать, сыновья Алехандро де Ихо знали с самого рождения, и получилось так, что Карлос больше тянулся к отцу, а Виттор к матери. Любить отец не любил, но надо отдать должное, он был всегда обходителен, нежен, добр и приветлив с женой, уважая и ценя мать своих детей. В жизни бывает все, и тем более такое могло случиться в то время, когда женились обычно по расчету, который вели родители новобрачных. Иногда детей обручали, как только те появлялись на свет, заключая выгодную сделку, условия которой вступали в силу после свадьбы. При таком раскладе, если было хотя бы понимание между супругами, это уже считалось счастьем, так что о любви говорить не приходилось. Вот так и получилось с родителями Виттора. Нет, мать его, Сусанна, любила отца всю жизнь, и не скрывала этого, да только отец не скрывал своей нелюбви, которая за всем хорошим отношением, доверием и обходительностью так и остается нелюбовью. Сколько она выплакала слез, одна только Пречистая Дева Мария знает; хотя Сусанна не могла не признать доброту Алехандро.

Нужно было что-то делать со всеми чувствами, и Виттор пошел за советом к матери, которая всегда была добрым и понимающим советчиком. Сусанна дала много советов, и Виттор, хотя всегда являлся опытным в отношениях с женщинами, просто растерявшийся в этот раз под гнетом чувств, поразился, насколько женщина может помочь разобраться в психологии другой женщины. Советы сводились к одному: будь смелее, бери на абордаж, завоевывай... в общем, действуй так, как действовал всегда до того, но только осторожней и осмотрительней, потому как раньше в случае отказа не терял ничего, а сейчас теряешь все. И любимая ничем не отличается от остальных женщин, так же как они нуждаясь не в простом обожании, а в доказательствах своей любви и войне за ее красивые глаза. Ободренный советами матери, Виттор приступил к осаде крепости по имени Анна. Как и любая другая, осада началась с разведки местности (ответных чувств), и сил противника (поклонников). Много информации принес Альберто, портной, который являлся соседом отца Анны, и его другом со времен, когда они в составе королевских войск, вместе воевали с маврами, продолжая войну, длившуюся уже семь столетий. Ко времени встречи Анны и Виттора мавры удерживали за собой только Гранаду, и молодой эмир Абу Абдалы Мохаммед Боабдиллы из последних сил оборонял этот последний оплот мусульман на Пиренейском полуострове. Но это все к делу не относится, и для Виттора была важна не война, а любовь. Как сказал Альберто, часто бывавший в доме

Себастьяна Доминго, его дочь стала еще задумчивей, чем обычно, и если раньше она и так редко улыбалась, то теперь ее улыбку не увидишь совсем. И еще: Анна пела, а это был в ее случае верный признак, что она о чем-то грустит. Эти вести ободрили и расстроили Виттора одновременно: Анна влюбилась, но с другой стороны не факт, что ее избранник Виттор, ведь они уже пару недель совсем не виделись, и она избегала встречи. Мать говорила, что это либо совсем хорошо, либо совсем плохо, но для де Ихо это было одинаково больно. Поклонников, по словам Альберто, который отлично видел все происходящее в соседнем саду со второго этажа своего дома, было особенно много. Нет, Анна с ними в саду не гуляла и не встречалась даже, это была очень целомудренная девушка, но их количество подсчитывал портной. Вздохи поклонников, музыка и стихи под ее окнами могли растопить даже камень, но только не ее сердце, что радовало Виттора. На его вопрос, как же отец все спускает ночным гостям, Альберто лишь мудро улыбнулся, и сказал, что тот притворяется глухим, слепым и немым, представляя дочери самой выбирать, ибо еще в детстве обещал ей, что она выйдет замуж по любви, и не собирался изменять своему слову. Все это обнадеживало, но действовать, как обычно действовали воздыхатели тех времен, то есть сочинять оды, чтобы читать их под окнами, играть на гитаре в ночном саду и присылать пылкие письма, для Виттора не подходило. Быть, как все, значило разочаровать, это значило проигрыш, это значило конец всему; и Виттор изводился в думах, что же ему делать. Удивить гордую Анну дорогими подарками невозможно, она решит, что ее пытаются купить, как овцу на рынке, и возненавидит, ну а придумать что-то другое Виттор не мог, как не старался.

Все решила судьба, которая без нас знает, что нам лучше (хотя и не всегда это так). Прошел месяц после последней встречи, и Виттор, предаваясь меланхолии, пошел прогуляться по ночной Севилье, сделав большой крюк, и непременно намереваясь немного постоять перед домом любимой. Долгая прогулка закончилась в квартале, где жила она. Это была красивая улочка, уходящая вверх, на холм, и делавшая поворот. В садах одно и двухэтажных домов с террасами и черепицей красного цвета росли гранаты, апельсины, финики, инжир и, конечно же, виноград, слава которого из Андалузии распространилась по всей Европе. Да и сам Виттор не знал вина лучше малаги. Стоя на мощеной булыжником мостовой, в тени раскидистого инжира, Виттор смотрел на окна дома напротив, где как он знал, была комната Анны. Внезапно, из сада раздался шелест листьев и тонкий женский приглушенный вскрик. Через несколько секунд над каменной оградой участка Себастьяна Доминго возникла мужская голова, и чей-то голос скомандовал:

– Пошли, все чисто.

Это говорилось не Виттору, которого не заметили, а кому-то за спиной говорившего. Первый спустился со стены и встал в ожидании. Второй, появившись из-за стены, стал передавать через нее какое-то извивающееся тело, наглухо замотанное в грубую черную ткань и перетянутое веревкой. Кого могли похищать, Виттор понял сразу. У него был только кинжал, а у противников короткие мечи, висящие в ножнах на поясе, но де Ихо ничего не боялся в этой жизни, и не раздумывая стрелой бросился к похитителям, дождавшись удобного момента, когда первый уже опустил ношу на камни мостовой, а второй только начинал перелезать через стену. Зная, что под плащом может оказаться прочная кожаная кираса, Виттор не стал наносить удара в грудь или спину, а ударил оборачивающегося лицом к нему противника в бок, под руку, туда, где как он знал, кираса не защищает. Дага вошла глубоко в тело, достав до сердца, в которое и метил Виттор. Все-таки его обучение в Барселоне не прошло даром, и он отлично знал, какие раны смертельны, где что в организме находится, и как наносить удар. Конечно, последнему не учили врачей, но этому Виттора очень хорошо научил сосед по комнате, молодой баск. В отличие от своих братьев, промышлявших разбоем и заказными убийствами, тот баск хотел спасать людей, но это не мешало ему с детства практиковаться в ножевом бое навахами – баскскими складными ножами, очень страшном оружии. Имея двух старших бра-

тьев, наемных убийц, тот баск был экспертом в этом виде искусства драки, где многие коварные удары оттачивались десятилетиями. Именно один из таких ударов, называемый «дэсхар-рэтазо», что в переводе с разговорного означает ослабить, лишить сил, решил использовать Виттор против спрыгнувшего со стены второго противника, доставшего меч. Название удара происходило от глагола *desjarretar*, так мясники обозначали операцию подрезки жил у животного. Очень хитрый удар наносился в спину, под последнее ребро. Им перебивался позвоночник, и жертва умирала в страшных муках. Грузный противник, огромный и шумно дышавший, был неуклюж, и это как нельзя более было на руку де Ихо. Видимо, второй неизвестный в операции похищения должен был исполнять роль носильщика, и больше ни на что другое он не годился. Он взмахнул мечом, намереваясь одним ударом отрубить голову Виттору. Тот успел пригнуться. Его тело, натренированное плаванием в Гвадалквивире и многолетними стараниями хозяина, было как пружина быстрое и сильное, готовое в любую секунду отреагировать на мысли Виттора. Реакция была на высоте. Де Ихо поднырнул под руку похитителя, оказавшись слева от него, и левой рукой, в которой держал дагу, нанес быстрый удар, идущий снизу вверх и вбок, наискосок, через позвоночник. Удар делался на себя, а не от себя, что увеличивало силу. Больше ничего сделать второй из похитителей не мог, лежа парализованный, истекающий кровью и страшно хрипя.

Вид этого агонизирующего тела заставил Виттора перекреститься и вознести короткую покаянную молитву Создателю. Как и любой испанец, Виттор был набожен. Следующим действием было освобождение Анны от пут. Та испугалась, и чтобы она не закричала, Виттору пришлось прикрыть ей рот рукой.

– Тише, тише. Все закончилось. Это я, Виттор де Ихо, сын Алехандро де Ихо, суконщика с Калье Роса. Узнала?

Анна кивнула, успокоившись.

– Кричать не будешь? Я не хочу, чтобы прибежавший патруль поймал меня на месте двойного убийства и повез на другой берег, в Триану. Там слишком сырые подвалы для меня, я солнышко люблю, – Виттор улыбнулся.

Анна опять кивнула, и он отпустил ее. Она моментально успокоилась, и взяла его руку.

Спасибо, что спас.

– Всегда пожалуйста. Но нам здесь оставаться опасно, могут застать на месте преступления...

– Пошли ко мне, там, в саду красивая беседка, посидим немного. Ты же не возражаешь осушить харро с хересом?

– Пошли. Но я предпочитаю малагу или аликанте.

Они прошли к ней через потайную калитку в стене, и удобно расположились в беседке. Немая служанка быстро накрыла на стол, поставив туда харро – одноручный кувшин с узким горлышком, доверху полный аликанте, две серебряные чарки тонкой чеканки и тарелку с копченым пряным мясом, которое называли бандерилья. Нарезанное тонкими ломтиками, соленое и острое, оно было лучшей закуской к вину.

– Как все произошло? – это был первый вопрос, который задал Виттор Анне, когда она вернулась, переодевшись, и накинув на плечи мантилью, так как похолодало.

– Отец уехал сегодня вечером, прихватив трех слуг. У него какие-то дела в Кармоне, а туда ты сам знаешь, ехать всю ночь. Дома остались только Камилла, которая накрывала сейчас, и Хуан, сторож. Донну Исабель, мою дуэнью, я отпустила на ночь домой. Вечер прошел как обычно...

– А как обычно у тебя проходит вечер? – Виттор не удержался от этого вопроса. Кто любил, тот знает, что хочется не только знать все о любимом человеке, но даже дышать с ним в унисон, слушая при этом стук родного сердца рядом с собой. И тогда не надо слов, все скажут глаза и руки.

- Виттор... – она улыбнулась, – тебе в подробностях или как?
- Я нескромен? Извини.
- Да нет, ты же спас мне жизнь... теперь не важно, как сложится судьба, но я знаю, что можно доверять тебе, и наоборот. Я никогда не предаю.
- Я знаю... я уверен в тебе, – он поднял чарку. – За тебя, Анна.
- Спасибо. Но никогда нельзя быть уверенным в женщине, – она дерзко подмигнула.
- Можно, если ты уверен в себе, – он тоже подмигнул и сделал глоток.
- Смело сказано. Я вышивала весь вечер. Это самое невинное занятие, к которому я питаю страсть... – она заметила, что Виттор хочет опять что-то спросить, и сказала опережая: – Ты меня будешь слушать, или вопросами засыпать? Перебивать не тактично.
- Ну, смотря, какая тактика на уме! – он улыбнулся. – Извини, что перебил, рассказывай.
- Анне очень хотелось спросить, какая же тактика на уме у собеседника, но она сдержалась, сделав вид, что пропустила фразу мимо ушей.
- После вышивания я спустилась в сад немного погулять, и через полчаса присела на каменную скамью возле гранатовых деревьев. Я и сама не заметила, как сзади кто-то схватил меня за горло, и прикрыл рот. Буквально за пять секунд меня полностью закутали в черную тряпку и понесли на улицу. Ну, что дальше было ты и сам знаешь, причем лучше меня. Кто были эти двое?
- Судя по всему, наемники из числа солдат. Кто-то хорошо заплатил, чтобы тебя похитили. За такое преступление наказание очень строгое, и за маленькую сумму никто не соглашается похищать, возни много.
- Цинично, – она посмотрела ему в глаза.
- Зато, правда. Обо всех расценках, и видах преступлений, мне рассказывал сосед по квартире в Барселоне, где я учился. Этот баск знает наши законы не хуже юриста из Сорбонна.
- А он откуда это узнал? – Анна заинтересовалась.
- Его старшие братья, а перед этим и отец, когда был молод, и дед, когда был жив, – наемные убийцы, типа тех, за стеной. У них это семейное ремесло.
- А те тоже баски были?
- Нет. Будь там два баска, меня бы зашивать пришлось. Там были обычные бродяги, которых как пушечное мясо записали в пехоту, и они, скорее всего, сбежали оттуда. Эти ни в какое сравнение не идут с «дъестрос», как называют наемников-басков.
- Смельчаки? Интересное название, – Анна налила вина себе и Виттору. – Виттор, что ты думаешь насчет всего этого? Это кто-то из моих поклонников заказал?
- Вряд ли. Эти относятся к тебе с обожанием, почитают как святыню. Они не смогли бы причинить тебе вреда таким образом. Насколько я понял, воздыхатели только стихи под музыку читать могут, – Виттор презрительно улыбнулся.
- Ну да, а настоящие мужчины боятся через забор перелезть, на улице ждут, – Анна тоже улыбнулась, но ласково.
- Ты на что-то намекаешь? – Виттор почувствовал некоторый стыд.
- Нет, ты, наверное, случайно в три утра мимо моего дома проходил, и, поняв, что в свертке женщина, бросился на помощь, – она невозмутимо смотрела ему в глаза.
- Хочешь, чтобы я соврал? Я этого делать не буду, за каждое свое слово в этой жизни и за каждый свой поступок я готов отвечать, – в его глазах зажглись искры наступающего гнева. Но тон оставался спокойным. Что поделать, темперамент брал свое. Виттор был гордым мужчиной, и даже любимая не могла усмирить этого.
- Не злись, – Анна опустила взгляд. – Очень хорошо, что ты был там.
- Да. Иначе ты бы уже была в трюме корабля, и тебя везли бы в Стамбул или Бухару на невольничий рынок. Больше испанцев блондинок ценят только мавры и арабы, а слава о

твоей красоте могла выйти и за пределы Севильи. За такую прекрасную девушку отвесили бы золотом меру в твой вес.

– Да, я слышала о торговле невольниками, мне отец рассказывал. Так вот откуда те двое.

– Я уверен в этом. Слушай, ты сказала, что настоящие мужчины ждут на улице... твои слова?

– Мои, но не...

– Ты меня там видела, как мне кажется. Значит, ты тоже кого-то высматривала и ждала? Разве нет? – Виттор горько ухмыльнулся. Он давно хотел спросить это, но привык всегда выдерживать мысль, занимавшую его, до того времени, когда человек будет не готов отвечать. В таких неудобных положениях, люди всегда говорят нечетко и сами себя раскрывают. Иногда хватало и взгляда или чуть заметного подрагивания руки, чтобы все разгадать.

Анна хотела что-то сказать, и улыбнулась для того, но улыбка чуть заметно дрогнула, и Виттор все понял без слов. Он знал свою правоту. Юная красавица тоже догадалась, что ее разгадали, и не стала врать.

– Высматривала. Это что-то меняет? – она погрузилась.

– Я не спрашиваю, кого, но ответь, ради всех святых, не меня ли? – Виттор не стал скрывать накипевшего. Будь что будет, уж лучше сразу и навсегда, чем медленно и мучительно.

Она опустила голову. Она думала. Анна знала, что все решается в эту секунду.

– Я люблю тебя, Анна Доминго. Если ты не меня ждала, то я допиваю вино и ухожу отсюда навсегда. Не томи, мне это важно.

– Тебя. Я тебя ждала. Я думала, что забуду тебя, занимавшего все мои мысли, если не увижу в течение пары недель, но ошибалась. Я скучала по тебе. То, что я тебе не безразлична, я почувствовала почти сразу, еще при первом свидании. И, конечно же, тайно ждала, что ты тоже придешь, как и все остальные под окно и будешь петь серенады...

– Чтобы разочароваться и забыть?

– Ох. Если бы знать. Я просто хотела тебя видеть, но не исключено, что тогда бы ты стал как все, и наскучил.

– Ты боишься своих чувств, потому и думаешь что говорить. Выдерживаешь паузы, прячешь глаза. Не надо, я тоже боюсь глубины моего сердца. Это нормально, я тоже люблю впервые, – он взял ее руку.

– Я не знаю, люблю ли я тебя, но я знаю, что с тобой рядом мне не надо больше ничего в этой жизни, – девушка подняла чарку.

– Спасибо за это. Когда вернется твой отец?

– Послезавтра.

– Утром я пришлю тебе двоих слуг, пусть охраняют на всякий случай, мало ли что. Через два дня жди сватов. Ты же выйдешь за меня замуж? – он нежно посмотрел ей в глаза.

– Выйду... – тихо и как-то стеснительно сказала она.

Виттор ушел, и утром доложил отцу, что собрался жениться. Отец кивнул, радостно приобнял сына, сказав, что хочет увидеть внуков, а уже после этого спросил, на ком сын остановил свой выбор. Выбор сына он одобрил, и обещал прийти к ее отцу через день, после возвращения того из Кармоны. Так все завертелось. Себастьян Доминго принял Алехандро с распростертыми объятиями, уже обо всем зная от дочери. К согласию пришли сразу же, и Себастьян попросил три месяца, чтобы собрать приданное. Видеться до свадьбы он не запретил, но при всех встречах, как того требовал этикет, присутствовала дуэнья...

И вот, оставалось две недели до свадьбы. Виттор поехал в Кордову за партией кож, и возвращался обратно, домой, полный надежд и радостных мыслей. В ту ночь он со слугами ночевал в Кармоне, и проснулся раньше всех, чтобы полюбоваться рассветом. Гребное судно с грузом купленных кож сплавлялось по Гвадалквивиру, на нем поплыл приказчик отца. Виттор же любил путешествия по суше, не вынося сырости и качки. В Кордове он пробыл три дня,

остановившись у троюродного дяди. Ему всегда нравилось бывать у него, играя с подрастающими племянниками, пусть и четвероюродного родства, или сидеть в беседке, слушая истории дяди о многочисленных военных походах, в которых тот участвовал, или легенды старины. Это были незабываемые вечера...

Из приятных мыслей Виттора вырвал силуэт всадника, во весь опор скачущего с юга, по дороге из Севильи. Встающее солнце отлично подчеркивало силуэт, и в рассветном, красноватом свете четко выделялась пыль, которую скачущий поднимал. Ничего особенного в этой картине не было, но у Виттора де Ихо тревожно сжалось сердце от внезапно накатившего нехорошего предчувствия. Своим предчувствиям он доверял, ведь интуиция его никогда не подводила, не раз спасая жизнь в трудных ситуациях. Виттор застыл неподвижно. Постоялый двор находился в пяти метрах от дороги, и всадник неминуемо заметит Виттора. Если искали его, то мимо не проедут. Скачущий приближался, и когда он находился в ста метрах, и уже начал доносился стук подков, что-то показалось знакомым в этом силуэте. Лица видно не было, так как всадник наклонил голову, смотря за дорогой. Берет с широкими полями, черный дорожный плащ, и конь белой масти. Конь был не из дешевых, настоящий Андалузский жеребец, статный и сильный, да и всадник тоже не был простым крестьянином. До всадника оставалось метров двадцать, и Виттор крикнул, узнав наездника.

– Карлос! Карлос! Почему ты здесь?

Всадник поднял голову, и поскакал прямо к Виттору, останавливая коня. Карлос де Ихо выглядел взволнованно, круги под глазами говорили, что он не спал больше суток. Он остановился возле брата, подняв коня на дыбы.

– Отец? – Виттор очень волновался. Он понимал: брат с добрыми вестями не прискачет в такую даль.

– Нет! – голос Карлоса был хриплым, сорванным, Виттор его почти не узнал. – Анна... Томас де Торквемада, – только и сказал брат, и замолк, сам боясь своих слов.

Виттор осел на траву. Ему очень захотелось заплакать, но слез не было. Каждый испанец знал Томаса де Торквемаду, не в лицо, а по его делам. Торквемада родился в 1420 году, с юности отличаясь благочестием и фанатичной верой. Лет в двадцать он вступил в новый для тех времен монашеский орден доминиканцев, отличающийся крайним аскетизмом даже для века, когда фанатичной верой католическую Испанию удивить было почти невозможно. Торквемада удивил, и еще как, правда, со временем. А пока слава о его благочестии распространилась сначала среди монахов, а потом дошла и до молодой королевы Изабеллы Кастильской. Та не раз предлагала Торквемаде различные посты, но тот неизменно отказывался, пока она не предложила ему стать личным духовником. Этот пост он принял с радостью и постепенно приобрел над ней то влияние, какое потом, в другие времена, будут иметь Бирон при дворе Анны Иоанновны, Дрейк при Елизавете Английской, Потемкин при Екатерине Великой и Распутин при дворе Николая II. Не без его участия за Изабеллой закрепилось второе прозвище – Изабелла Католичка. Все самое страшное для Испании началось, когда в 1483 году Торквемада был назначен Великим Инквизитором Испании. За пятнадцать лет правления тайным трибуналом это чудовище лично приговорило к сожжению на костре – аутодафе, 17 000 человек, и еще 97 321 человек по его приказу подверглись различным наказаниям. В то время под словосочетанием «различные наказания», подразумевалось, что людям была оставлена жизнь, но что творилось с их истерзанными пыткой телами, без дрожи описать невозможно. После испанского сапожка человек хромал до конца жизни, если ему не отрезали раздробленную ногу с перемолотыми костями, чтобы не было гангрены. После дыбы руки уже не поднимались, так как порванные сухожилия не срастаются. После пытки каленым железом на теле до смерти оставались страшные отметины, которые, вдобавок, присыпали солью. Это была только часть того, что придумал воспаленный и безумный мозг человека для жестокости по отношению к собратям. В арсенале палачей и тюремщиков той эпохи имелось столько орудий пыток, что

они занимали огромные помещения. Это было ужасно. Две истины знал каждый: попавший в руки инквизиции человек уже никогда не будет прежним, меняясь в корне как телесно, так и духовно; и еще – если ты не король Испании, то от костра и пыток ты не застрахован. Попасть в застенки могли за любую оплошность; особенно часто просто по подозрению в сношениях с нечистой силой. Инквизиция считала, что женщина по своей природе есть вместилище порока, и виновна хотя бы за это. 99 процентов сожженных на костре были женщины, в большинстве своем молодые и красивые. Торквемада особенно старался в этом, так как женщин ненавидел люто.

Все это прекрасно знал и Виттор. Поэтому у него была такая реакция на известие. Анну могло спасти только чудо.

– За что?! – в этом крике прозвучало столько дикой, первозданной, животной боли, что Карлос испугался за разум брата. Так ревет медведица, стоя над мертвым медвежонком; и если кто-то слышал этот рев, он его уже не забудет.

А слез все не было. Глаза, казалось, сейчас вылезут из орбит, но они были сухи. Виттор выл, выл тихо и протяжно. Это был и хрип, и стон, и вой. Все смешалось в этом нечленораздельном звуке, который человек по своей природе издать не может. Карлоса пробил озноб от этого, и он в ужасе смотрел на брата. Сказать, что за всю жизнь он такого не видел, значило бы просто многозначительно промолчать. Боль ощущалась физически, казалось все тело горит, голова звенела, а сердце стучало как бешеное, отдавая в ушах. Прошло не больше минуты, и Виттор смолк. Он с силой поднялся на ноги, как пружина, подскочив на месте, и ухватившись за ствол молодого дуба, сломал его. Виттор при этом рычал, в бешенстве ворочая белками. После этого его гнев неожиданно стих, как будто щелкнули выключателем. Он быстро пошел в сторону конюшни, где спали слуги, и ударом ноги открыл воротину.

– В седло, живо, каналы! За пять минут кони должны быть готовы, иначе я вас порежу всех! – эти слова возымели эффект разорвавшегося ядра. Что и говорить, слуги, никогда не слышавшие от молодого хозяина и грубого слова, испуганно встrepенулись, и кинулись исполнять приказание. Они мгновенно догадались, что произошло что-то ужасное. Это только накаляло обстановку и подстегивало их скорость.

Кони мчали во весь опор. Карлос, скакавший рядом с Виттором на свежем жеребце, рассказывал, как все произошло. Ветер уносил некоторые слова в неизвестность, но смысл был и без того понятен. Анна вышла из дому в сопровождении донны Исабель и слуги на рынок купить продукты. В городе уже второй день властвовал Томас де Торквемада, явившийся в Севилью, как обычно он делал, неожиданно, в сопровождении личной гвардии – пятидесяти конных и двухсот пеших солдат. Этот урод проезжал по рыночной площади, на которой воцарилась мгновенная тишина, что для любого рынка немыслимо. Как по воле рока, в это время Анна тоже была там. Томас подъехал к ней, и просто приказал своим слугам схватить. Дуэнью и слугу Анны, мешавших задержанию, убили на месте. Процессия после случившегося поехала дальше, а Анну под стражей повезли в Триану. Это рассказал Альберто, прибежавший с рынка сначала в дом Доминго, а оттуда в дом де Ихо. Себастьян и Алехандро объединились, и поехали к начальнику крепости, чтобы узнать, в чем дело и попытаться за любые деньги выкупить Анну. Карлос же узнал обо всем только ночью, когда отец вернулся безо всяких вестей. К начальнику крепости попасть они не смогли, он их не принял, хотя и знал обоих долгие годы, так как пользовался их услугами. Карлос, конечно же, сразу вскочил в седло и полетел навстречу брату, зная, что по дороге они не разминутся, и Виттор ни за что не станет добираться сплавом по реке. Так и вышло. И теперь кони несли всадников как на крыльях по направлению к Севилье, и никому ничего не было известно, и все полагались только на судьбу.

Виттор, вернувшись в город, конечно же, кинулся не домой, а под стены Трианы, где томилась Анна. Они с Карлосом приехали около двенадцати. Сначала Виттор хотел увидеть начальника крепости, и попросил доложить о себе, но прошел час, прежде чем ему ответили

отказом. Тогда Виттор встал недалеко от ворот, все время держа их в поле зрения, чтобы не пропустить начальника крепости, если он соберется выезжать куда-либо, и поймать его таким образом. Так протянулись еще два часа, два тщетных часа. Все кончилось, когда солдаты охраны крепости прогнали Виттора с помощью алебард. Де Ихо тогда впервые в жизни пожалел, что он родился в семье, хоть и богатого, но всего лишь обычного буржуа, даже не представителя гильдии купцов. Поэтому перед ним было закрыто большинство дверей. Будь Виттор сыном знатного идадьго, его бы по-любому пустили, начальник крепости не мог отказать в приеме молодому родовитому господину. Но если бы да кабы... Виттора прогнали. Но он пошел прочь не из страха, а потому, что пока находился по ту сторону ворот Трианы, и жил, была надежда, что он поможет Анне. Устрой он драку с солдатами, его либо убили бы, либо забрали в тюрьму.

Де Ихо поскакал в город, чтобы достучаться до Великого Инквизитора. Смирив гордость и желание убить, он решил кинуться ему в ноги и выпросить помилование для Анны, или хотя бы узнать, в чем же заключалась ее вина. Виттор не знал одного: Великий инквизитор никого и никогда не принимал. Это чудовище в сутане, сошедшее с ума, и творящее столько зла, сколько в истории и до и после него мало кто творил, само боялось как маленький ребенок. Самым большим страхом Томаса де Торквемады был страх насильственной смерти, страх, что произойдет удачное покушение на его сиятельную персону (оно и понятно, наверняка за собой знал столько грехов, что спать не мог по ночам). Именно поэтому бывший духовник Изабеллы Кастильской из визитеров никого не принимал, и окружил себя личной гвардией. Заговоры казались ему везде и всюду, козни врагов преследовали инквизитора и во сне, и он даже завел дегустаторов, чтобы те пробовали еду на наличие яда (у него для этих же целей был рог носорога, который по преданию может обличать яды, меняя цвет). Козни и враги. Любой, на кого падало подозрение, подвергался страшным пыткам.

Где находится Торквемада, Виттору подсказал Карлос, когда они мельком увиделись на рыночной площади. Инквизитор остановился в доме губернатора Севильи, в неподобающей для монаха роскоши. Слуги заняли конюшни и другие хозяйственные постройки, а самого Торквемаду поместили в шикарных апартаментах. В комнатах попроще жили отцы-инквизиторы, верные сподвижники и подельники своего начальника. Что и говорить, Виттора даже не пустили на порог. Ни инквизитор, который немного приболел, ни губернатор, отправившийся в порт, не принимали. Несчастный в отчаянии кинулся домой, не зная, что делать. Дома находились отец, мать и Карлос. Сидя за столом, они ожидали возвращения Виттора, волнуясь, как бы тот в своем темпераменте и при своей неудержимости не наломал дров. Новостей они не могли дать никаких, но у взявшего себя в руки Виттора начал созревать план действий. Он поел, переоделся, взял с собой восемь тысяч дублонов, меч, дагу и черный дорожный плащ с капюшоном. План был прост: подкупить какого-либо стража, тюремщика или гвардейца, чтобы тот помог проникнуть внутрь и вызволить Анну. Это было самым простым решением, потому как за восемь тысяч золотом любой продаст душу дьяволу, а не то, что поможет Виттору. Это было целое состояние.

Виттор знал, что в Триану его никто не пустит, стража либо опять прогонит, либо притворится глухонемой. Поэтому оставалась таверна недалеко от крепости, куда часто приходили тюремщики, чтобы промочить горло добрым хересом или пулькой. Таверна представляла собой двухэтажное здание из серого дикого камня, приземистая и широкая, она строилась на века. Ей и в самом деле было не меньше лет, чем самой крепости. Когда Виттор зашел внутрь, в нос сразу же ударило смешение запахов из винных дешевых паров, вареной рыбы, лука и специй. Гул голосов оживленной речи прерывался звуками то тут, то там вспыхивающих ссор и драк, которые тут же перемещались на улицу, потому как такое правило выставил посетителям хромой хозяин трактира по кличке Кабальо, что означало конь. Сильный, мощный, высокий, с огромными ручищами он скорее напоминал медведя, но кличку ему дали за массивную

нижнюю челюсть и большие длинные зубы, из-за которых он не мог нормально закрывать рот. Звали его Хуан, как и добрую половину незнатного мужского населения Испании. Обстановка трактира была спартанской, безо всяких излишеств. Только столы и огромные лавки, да еще что-то вроде барной стойки, отделяющей проход на кухню. Вся мебель массивная, неподъемная, выполненная из дуба; она не имела износа, что и было определяющим при ее изготовлении. Виттор сел за одинокий столик в углу, и тут же к нему подскочил мальчишка-разносчик.

– Доброй ночи¹, кабальеро. Что вы желаете?

– Мучачо, мне кувшин хереса, стакан, и головку козьего сыра на вкус хозяина, – Виттор кинул на стол серебряный реал. – Сдачи не надо.

– Одну минуту, сеньор, – мальчишка проворно кинулся исполнять приказание. Через пол минуты все заказанное стояло перед Виттором.

Было около одиннадцати часов вечера, и таверна постепенно меняла завсегдатаев. Домой убирались уже пьяные, освобождая места еще трезвым. Де Ихо пил херес и прислушивался к гулу голосов, разбирая отдельные слова и фразы. В таверне он провел уже час. Неожиданно дверь открылась, и вошли трое. Тут же с соседнего от Виттора столика послышался приветственный возглас:

– Педро, Педро! Иди к нам, выпей.

Тот, кого называли Педро, кивнул и отделился от двух своих спутников, что-то сказав им, по-видимому, обещав отсутствовать недолго. Педро подошел и сел к столу справа от Виттора.

– Педро, за тебя! Я тебя люблю, ты же знаешь! – это говорил подвыпивший здоровый мужик, одетый как лесоруб. Он обернулся к Виттору. – Кабальеро, готов поспорить, вы не знаете Педро, а он спас меня год назад от...

– Молчи, пьянь, – это сказал Педро, с силой удержав пытающегося встать мужика на месте. – Сеньор, не обращайтесь на него внимания, он пьян. Простите его, если он груб, – добавил он Виттору.

– Все в порядке. На то он и дровосек, – Виттор потерял, было, интерес к этому столику, но вновь обрел его после слов третьего сидящего за столом, мужика преклонных лет.

– Педро, а вправду ты сторожишь самую красивую девушку Испании, Анну Доминго?

– Правда, Фелипе, правда, – Педро горько вздохнул.

– Где этот трактирщик! – страшным голосом заревел дровосек. – Где вино? Каналья, сюда мне его.

На горе дровосека, трактирщик услышал это, и двинулся к столу. Он схватил мужика за шею одной рукой, и волоком потащил по полу на улицу. Фелипе кинулся следом, видимо, чтобы помочь своему другу в случае чего доползти до дома. Виттор обернулся к соседнему столу, и удержал поднимающегося Педро, который, видимо, хотел идти к своим друзьям.

– Сеньор, вас Педро зовут?

– Да, сеньор. Меня, – тюремщик посмотрел на Виттора. Педро выглядел уставшим от этой жизни, худым невысоким мужчиной за пятьдесят. Седой, с остатками пятен черных волос, длинными усами и грустью, как в голосе, так и в глазах, он внушил Виттору доверие. То, что Педро был умен, де Ихо понял с первого взгляда.

– Присядьте за мой стол. Будете херес? Вы голодны?

– Спасибо, сеньор, но меня ждут за тем столом... – он хотел показать в сторону товарищей, но не успел. Виттор перебил его.

– Вы хотите заработать восемь тысяч дублонов?

Педро застыл как вкопанный, раскрыв рот. Он зарабатывал, будучи тюремщиком, в год только сто серебряных песо. Золотые дублоны Педро в своих руках держал очень редко, а такую сумму и представить даже не мог.

¹ В Испании нет обращения: «Добрый вечер». После обеда говорят: «Доброй ночи». До обеда – «Доброго дня».

– Это целое состояние, сеньор. Просто так они не даются, – тюремщик подсел к Виттору. – Это цена чьей-то жизни?

– Да, но я хочу, чтобы вы не убивали кого-то, а наоборот, спасли. Вы меня не знаете, Педро?

– Вы мне знакомы... а, я помню. Вы были женихом этой несчастной, Анны. О вашей свадьбе говорила вся Севилья. Какое горе, сеньор.

– Горе. Но вы ее страж, и вы можете помочь мне спасти ее...

– Увы, не могу, сеньор. Поверьте, за восемь тысяч, я бы собственноручно убил Великого Инквизитора, если бы это понадобилось, чтобы спасти вашу невесту, но я уже бессилён что-то сделать, – Педро с жалостью посмотрел на молодого мужчину.

– Почему? – горестно воскликнул Виттор. И добавил, понизив голос. – Расскажите мне все, сеньор. Умоляю вас. Ее жизнь – это моя жизнь, без нее мне не жить...

– Сеньор, Педро тоже любил, и он знает, что это такое. Поверьте, будь возможность, я бы помог. Но ее увезут из Трианы через три часа. Именно поэтому я здесь, начальник отпустил меня.

– Куда ее увезут?

– В Кампо де Таблада.

Виттор знал это место, как и любой севильянин. Поле Эшафота – так в переводе назывался пустынный луг за городом, где совершалось большинство казней. Ее везли на костер.

– Но есть еще три часа, – Виттор в отчаянии сложил руки в мольбе.

– Нет. Ничего не выйдет. Сейчас она кается в грехах в присутствии четырех инквизиторов. Возле дверей зала пыток десять солдат, и весь гарнизон снаружи.

– Неужели все это ради обычной горожанки?

– Нет, конечно. Просто начальник крепости, чтобы покрасоваться перед Торквемадой, поднял в ружье всех солдат и заставил выполнять марши и упражнения.

– Так и Торквемада там?

– Да. Он там. Поэтому то, что вы просите, невозможно. К ней не подойти, ее не вызволить. Поверьте Педро.

Виттор положил на стол руки, на них опустил голову, и так просидел минуту. Педро не говорил ни слова. Он ждал. Деньги для этого человека мало что значили, для него много значили чувства. Так получилось, что тридцать лет назад он любил молодую девушку, крестьянку из их деревни возле Кадиса. Ее убил во время охоты один молодой идальго, насмерть сшибив конем. В пылу погони за кабаном он и не заметил девушку, и того, что она умерла. Ему просто не было до этого дела. Педро долго ждал. Он ждал около года, прежде чем смог подобраться к этому сеньору, так же во время охоты, и пристрелить его из арбалета, в спину, как и подобает убивать подобных людей. Педро и сам умер, когда убил дворянина; до того он был жив только мстостью. Потом служба в армии, и вот, Педро – тюремщик. Он так никогда и не вернулся домой, в деревню возле Кадиса, где ни с кем не попрощался перед уходом. Теперь Педро существовал, вливая в себя перед сном пару стаканов пеньки и вспоминая Хуаниту, свою любовь, которую даже тысячи дней не стерли из его памяти. Только любовь других значила для него хоть что-то.

– Сеньор, не надо. Вы встретитесь потом, пусть и не здесь, не в этой жизни. Поверьте Педро, – он положил по-отечески руку на голову Виттора.

– Расскажи мне о ней. Все, что было, – Виттор поднял голову, глаза были сухи.

– Ее привезли под вечер. Великий Инквизитор, когда проезжал по рыночной площади, увидел девушку необычайной красоты. Эта неземная красота и послужила ее несчастьем. Анну обвинили в том, что она вступила в сделку с дьяволом, чтобы получить такую внешность...

– Какой бред! Только сумасшедший может так думать, – глаза Виттора источали такую ярость, что Педро поежился, как от холода.

– И, тем не менее, сеньор, это послужило ее обвинением. Торквемада больше всего на свете ненавидит красивых женщин. Утром ее повели на допрос. Раньше не могли, камера пыток была занята другими обвиняемыми...

– Боже, неужели ее пытали? – Виттор, не веря, рассеянно посмотрел наверх, в потолок, видимо, надеясь на нем разглядеть Создателя.

– Да, сеньор. Но даже у палача, какой бы это ни был зверь, не хватило духа калечить ее или портить такую красоту. Старый Пабло, который пытал Анну, плакал над ней. Ее пытали водой, самой безобидной пыткой, – Педро опустил глаза. Пытка водой, «безобидная», как назвал ее он, означала, что в человека вливали воду до тех пор, пока он не признается, или не умрет. Но с другой стороны он был прав. Сапожок или дыба были страшнее.

– Она призналась?

– А что ей еще оставалось делать, кабальеро? Пабло посоветовал ей признаться, пока не поздно, и он не принялся раскаленными щипцами рвать ее на части. Вы же сами знаете, сеньор: пытка длится до тех пор, пока человек не признается. Я только однажды видел мужчину, которого даже сапожок не сломал. Ему вбили все двенадцать дубовых клиньев, то есть раздробили в муку кости и порвали все сухожилия. Но он не признался. Тогда начали жарить его пятки, но и это не помогло. Его истязали двое суток, и все это время он оставался в сознании. Кончилось тем, что устал палач, и все равно человека повесили. Обосновали тем, что он признался во всем, подделав подпись. Так что итог один. А так она почти не мучалась. Она согласилась со всеми пунктами обвинения, и теперь исповедуется в присутствии инквизиторов.

– Когда казнь?

– На рассвете. С первым лучом солнца. Их будет пятеро, все молодые девушки.

– Спасибо за рассказ, Педро. Скажи еще, она меня вспоминала?

– Да, она звала вас по имени, много раз. И плакала, что больше вас не увидит.

– Спасибо, Педро, – Виттор прослезился. Он достал десять дублонов. – Помолись за нее.

– Удачи вам, сеньор. Храни вас Бог! – Педро встал, сделав вид, что не заметил денег на столе. Он был выше этого.

– Боже, за что это? – Виттор озвучил вслух свою мысль. – Неужели завтра эта безгрешная и чистая девушка будет мучаться на костре по воле этих... – он замолк.

– Сеньор, Бог милостив. Может, она будет недолго мучаться, – Педро перекрестился и пошел к столу своих друзей. Его до глубины души трогала боль этого молодого и красивого человека, который с любовью терял все, что имел.

Перед рассветом Виттор стоял в небольшой толпе, которая собралась возле пяти столбов. До начала аутодафе оставалось не более получаса. Повозки с осужденными уже прибыли, и стояли в стороне, в окружении солдат. Монахи таскали вязанки с хворостом. Серые сумерки начали рассеивать ночную мглу, трава покрылась росой, и по-над землей стала подниматься легкая туманная дымка, обещавшая жаркий день, который пять осужденных девушек уже не увидят. В толпе не было случайных любопытных и зевак. Все пришедшие были родственниками жертв, так или иначе узнавшими по своим каналам о месте и времени казни. Виттор искал отца Анны, но не нашел его. Он подумал, что старый Доминго не знает о казни, но Виттор ошибался. Себастьян и не мог узнать о ней, так как стариково сердце не выдержало переживаний, и вчера под вечер старого Доминго не стало. Это лучше, наверное, чем доживать в одиночестве свой век, постоянно вспоминая о казненной дочери. Себастьян умер не мучаясь, мгновенно. Другое ожидало Анну. Нет предела страшной фантазии инквизиторов. Зная, что человек в пламени костра страдает не больше пяти минут, они стали заменять обычные дрова сырыми, и приковывать осужденных на вершине высокого столба. Так человек медленно жарился в течение часа, испытывая страшные мучения. Виттор не мог смотреть на казнь любимой, но ноги сами привели сюда, и он стоял в ожидании, надеясь увидеть ее в последний раз. Все происходило как в бреду, ни одной мысли не осталось у де Ихо, ни одного чувства. Были

только животные инстинкты, какие есть у собаки, которая привязана к своему хозяину, и даже мертвого не может его оставить.

Девушек привязали к столбам, монахи с факелами встали наизготовку. Отец-инквизитор сказал какую-то речь, в смысл которой Виттор даже не вслушивался, и после этого поднялось пламя. Сырые дрова сильного жара не давали, горели плохо, но горели. Столбы, которые для больших мучений жертв обили железом, начали медленно нагреваться. Первые лучи солнца осветили казнь, видимость сразу улучшилась, и Анна различила в толпе своего любимого.

– Виттор!

– Любимая! Прости за все! – по его щекам потекли слезы горечи.

– Мы еще увидимся... – ее слова оборвала короткая стрела арбалета, пронзив грудь. Анна умерла мгновенно, не мучаясь. Наверное, на эту «божью милость» вчера намекал тюремщик Педро. Именно по этой «милости» оборвалась ее двадцать первая весна.

Виттор обернулся назад, и увидел в ста метрах от толпы скачущего во весь опор всадника. В погоню никто не кинулся, но солдаты принялись пиками разгонять толпу. Виттор ушел, не дожидаясь. Ему не на что больше было смотреть. Стрела убила двоих сразу, он потерял и себя. Что он чувствовал? Уже ничего. Полная отрешенность, сумрак сознания. Если бы были виновные в смерти любимой, он бы жил мстостью. А так кого винить? Торквемаду? Он уже далеко, его не достать. Да и достать можно лишь стрелой или кинжалом, а де Ихо хотелось большего. Так что пусть сам умрет, ему и так недолго осталось. Остальные участники суда только винтики в этом безжалостном механизме. Поэтому больше не осталось ничего: ни Анны, ни Виттора, ни любви. Не осталось и жизни.

Виттор де Ихо пешком пошел домой, где все рассказал отцу и матери. Карлос уехал по делам в Малагу. Потом он лег спать, и проспал до заката. На закате мужчина спустился вниз, в зал. Дома никого не было, мать отправилась к подруге по соседству, а отец в лавку, куда приехали кожи, сплавлявшиеся по реке. Никому не говоря и слова, Виттор пошел к Гвадалквивиру, где сел на берегу и выпил две бутылки аликанте. Ему не хотелось жить. Отплывая от берега на лодке, он знал, что уже никогда не причалит обратно. Тяжелый камень, привязанный к ногам крепкой веревкой, всплеск волны... и все. Его никогда не найдут...

Виктор Ильин проснулся в три утра. Ему казалось, что он все еще захлебывается холодной мутной водой реки; его душат спазмы, и конвульсии сгибают ноги. Сев на кровати и включив свет, Виктор пришел в себя. Это был только сон, хотя таких снов Ильин еще никогда не видел. По телу прошел озноб. Виктор готов был поклясться, что все это происходило на самом деле, но то, что он жив, доказывало обратное. Еще ничего не понимая, мужчина прикурив сигарету. Ему требовалось во всем разобраться. Ему казалось, что сон длится сейчас, а там была его жизнь. Мысли сменяли одна другую, и в их лихорадочном беге он не мог уловить ту, самую нужную и трезвую. Была необходимость успокоиться. Виктор пил очень редко, только крепкий алкоголь, но не чаще раза в месяц или два, на свадьбу или на день рождения кого-то близкого. На этот раз Ильин изменил принципам и пошел на кухню, где трясущимися руками откупорил бутылку водки, стоящую в холодильнике с его дня рождения, и залпом выпил не меньше половины стакана. Стало лучше. Виктор закусил колбасой и повторил маневр. Бутылка заметно опустела, да и мысли в голове куда-то потерялись. Ильин опять закурил и сел на табурет. Нужно было выбираться из растерянности, вызванной сном. Необычайный всплеск адреналина еще не прошел, сердце стучало как барабан. Виктор вздохнул и начал докапываться до истины. «Итак, – думал он, – первое. Сон, это был сон, а не явь. Это точно и сомнению не подлежит...». Вторая мысль гласила, что все это не могло происходить с Виктором, так как он не жил в Испании в конце 1480-х годов. Третье: сновидение было навеяно его мыслями об Испании перед сном. Все остальное только чувства, вызванные сном. Четвертое: он так напуган и впечатлен только потому, что таких реалистичных снов у него никогда не было. Но ничего,

все бывает впервые. Итог: успокоится и осознать, что это все сказка. И ложиться спать. Хотя, последнее спорно – завтра Виктор выходной.

Ильин успокоился, и тут пришла другая мысль. Да, сон навеян мыслями об Испании! А чем навеяна та прекрасная девушка? Виктору она незнакома, он ее точно нигде раньше не видел. Ее внешность даже никого не напоминает. Хотя, возможно, он видел ее где-то в толпе незадолго до того, она его впечатлила, и вот, приснилась наконец-таки. Все просто. А просто ли? При воспоминании об Анне кольнуло сердце, что-то ранее незнакомое вдруг поселилось там. Что это? Виктор, не задумываясь, назвал это нежностью, какой-то щемящей нежностью в сердце. Раньше все мысли и чувства у него шли через голову, а теперь вот впервые что-то в сердце. Отчего она его так взволновала? Если бы знать. Бред, все бред. Она же только приснилась, как можно влюбиться в сон? И на этой мысли Виктор прекратил внутренний монолог, удивленно заглядывая в самого себя. Неожиданно прозвучавшее слово «влюбиться» стало основоопределяющим. Чертовски правильное слово. Он действительно чувствовал что-то незнакомое до того, и если это была не влюбленность, то, что тогда? Даже не влюбленность. Всю боль того, приснившегося Виттора, всю его любовь Ильин прочувствовал сам, проснувшись. Чувства из сна как по мановению волшебной палочки перешли в реальную жизнь. От этого сжималось сердце, учащался пульс, и что-то похожее на комок находилось в горле. Этого не могло быть, но это было. Виктор опустил голову на руки. Час от часу не легче. Теперь он влюбился в несуществующую девушку из сна. И как это называть? Может, пока он выходной, стоит к психиатру сходить, пусть поможет уколами или гипнозом? От этой мысли стало веселее, он улыбнулся. И тут по коже прошел озноб, как от холода, и чей-то голос в голове сказал: Вот оно! Виктор даже обернулся, но, естественно никого за спиной не нашел. Нет сомнений, голос был его. Просто мысль прозвучала вслух, и поэтому показалось, что кто-то с ним говорит. А что оно? Оно, – то, чего он ждал всю сознательную жизнь, с каждым приходом желтеющей листвы. ОНО, что-то, слишком похожее на чудо, чтобы быть настоящим. И это нельзя было доказать, он это просто чувствовал.

Вот так в жизнь Виктора Ильина ворвалась любовь. Неожиданно и быстро, как арбалетный болт, пронзившая грудь. Виктор остановил течение мыслей, и проверил свои чувства. Самым большим желанием было увидеть ту девушку наяву. Он понимал, что это невозможно, но ничего с собой поделать не мог. Любыми средствами он хотел увидеть ее. Разум говорил одно, сердце абсолютно другое. В голове всплыли слова Жорж Санд: рассудок никогда не плачет – это не его дело, а сердце никогда не размышляет – оно не для этого нам дано. Виктор иронично улыбнулся этим словам. Пусть разум не вмешивается в сердечные дела. У него есть любовь, и есть надежда найти эту девушку. Остальное его не волнует. Пусть кто-то на эти мысли посоветует ему обратиться за помощью в лечебницу для душевнобольных, ему плевать. Он будет искать ради того, чтобы однажды увидеть ее улыбку и еще раз заглянуть в ее глаза. Остальное не имеет значения. Мысль права: вот оно, пришло. И будь что будет. Один умный человек говорил: «У меня есть мечта...», начиная свои выступления именно с этих слов. Виктор теперь знал, зачем он живет, у него тоже появилась мечта. И надежда. И любовь.

2

Аня Воскресная сидела в своей комнате и в крайней тоске листала модный журнал. Больше ей делать ничего не хотелось. Был день, двадцать девятое октября, пятница. Аню все достало, и серость жизни казалась невыносимой и нескончаемой. Обыденность душила как Отелло Дездемону, сильно и яростно, со всей ревностью к счастью, на которую только была способна. Нет, о такой жизни, какую вела Аня, любая девушка в современной России могла только мечтать. У нее было все, о чем она могла грезить или чего желать. То, сколько тратил на нее отец, наверное, было соразмерно с бюджетом футбольного клуба первого дивизиона Российской Федерации. Все капризы дочери Анатолий Воскресный исполнял без споров и возражений, но избалованной она не была, об этом тоже своевременно побеспокоился ее отец, хотя и отчасти. Детство без матери оставляет в душе ребенка не маленькие отметины, а человек, который терял, очень редко бывает капризен. Нет, трагической истории я рассказывать не собираюсь, ее мать была жива, и, быть может, даже здорова, но ни она свою дочь, ни дочь ее, уже не помнили.

Вышло так, что Анин отец, когда он только познакомился с ее матерью, был обычным строителем. Он работал каменщиком, исправно принося в семью деньги, хотя и не большие. Его будущая супруга, уроженка одной из близлежащих к городу станиц, позаботилась, чтобы дочь появилась немного незапланированно, зная, что возможный муж ни за что не откажется от ребенка, и этот финт даст ей долгожданный штамп в паспорте и жизнь в городе. Так и вышло. Они поженились, но она не рассчитала, что городская прописка еще не даёт ей возможности красиво, или хотя бы счастливо жить. Со временем началось то, что обычно начинается, когда женщина не уважает своего мужа, и наплевательски относится к ребенку: отлучки, пьянки и кабаки. Муж ее за руку не ловил, доверяя, и не проверяя слухи, а, быть может, прощая ее. Это знает один Бог. Так продолжалось около года, пока, наконец, в один из вечеров он не вернулся с работы и не заметил отсутствие жены. Это не было ново, но на этот раз вместе с женой исчезли и все ценные вещи. Как потом он узнал по своим каналам, жена познакомилась с приятным мужчиной и, влюбившись в него, сбежала из города в неизвестном направлении, оставив на мужа двухгодовалую Анну. Анатолий Борисович немного поубивался, может, полил слезы в подушку наедине с собой, а потом обозлился и начал грызть этот мир и судьбу. Как только он приступил к этому, мир поддался. Аню воспитывала бабушка с дедом, а отец весь ушел в работу. Он уволился с прежнего места службы и перешел в другую фирму на должность бригадира. Через время он стал прорабом, и так, постепенно, год от года, полз вверх по карьерной лестнице. Три года назад Воскресный стал соучредителем крупной строительной фирмы, куда его позвал товарищ. После трагической смерти этого человека Анатолий проснулся владельцем. Это случилось год назад, и он искренне переживал утрату. Бывшая жена так и не объявилась, но он еще лет двенадцать назад позаботился о ней, оформив за отдельную плату все документы о смерти, и выкупив даже место на кладбище, где теперь стоял памятник из серого гранита. Этот жест носил двоякий смысл: он облегчал себе душу, которая долго отходила от той, бешеной любви, и заодно предотвратил возможные поползновения на имущество и на права материнства. Анне до матери тоже дела не было, она и слышать о ней не хотела, особенно остро, как женщина, чувствуя предательство по отношению к себе.

Итак, отец исполнял любые прихоти, но она скучала. Если кто-то думает, что деньги творят счастье, – они ошибаются. Мы бываем счастливы и от мелочей, оставаясь безразличными к чему-то значимому, такому, как, например покупка новой квартиры. Ей, как и большинству женщин на земле, не хватало эмоций. Девушка думала, как бы изменить свою жизнь, но разум не выдал ни одной нормальной мысли. Всю прошедшую неделю она тратилась на дорогие

предметы гардероба, с утра до вечера совершая даже не набег, а просто бандитские налеты с подругами на бутики, отдыхала по вечерам в ночных клубах и общалась с людьми. Перед этим две недели она провела в Испании, в Барселоне. Итог был один: жизнь менялась только в мелочах, но настроение не улучшалось. Затяжной депрессией она бы это состояние не назвала, но что-то давящее ощущала постоянно. Как-то кардинально менять жизнь ей не хотелось (как, например, переезд в другой город и т.п.), так как ее по большому счету все устраивало, но Анна не раз думала, чего бы ей хотелось в этой жизни, и так и не решила. Что такое любовь, Аня не знала, и в свои двадцать два года еще ни разу не влюблялась, в отличие от большинства сверстниц, которые за эти же годы успели испытать подобное нежное чувство не один раз. Вообще, любовь – это ветрянка, и чем раньше ей переболеешь, тем легче будет потом. Это даст иммунитет на всю жизнь, и в случае рецидивов заболевания человек уже знает, как с ним бороться при осложнениях и побочных действиях лекарств. Любовь на поздних сроках бывает смертельна. Да, Анне хотелось приукрасить свою жизнь, и она умирала со скуки. Девушка не знала простую истину, доступную каждому, и известную всем поэтам: хочешь изменить мир и измениться сам, получив эмоции? Влюбись, или придумай себе любовь.

Журнал полетел в стену. Музыка смолкла. Анна подошла к окну. Ее горячий характер требовал выхода эмоций, всплеска, устав от хандры. Она была очень сильной в плане характера девушкой, пойдя в этом по стопам отца, который хоть и поздно, но, тем не менее, все же осознал свои лидерские качества. Прямолинейная, целеустремленная, не терпящая хамства и грубости в свой адрес, она всегда умела дать отпор. Она была умна, хитра, продумана и осмотрительна. Недостатком была вспыльчивость, какой-то итальянский, что ли, южный темперамент, оставляющий свой след на всем. Из таких людей, когда со временем утихают страсти и бесшабашность юности, получаются очень умелые и расчетливые владельцы крупных корпораций, которые могут из ничего при желании сделать все. В эту минуту один из таких и переступил порог ее комнаты. Она обернулась навстречу отцу. Анатолий был высок, плечист и с юности склонен к полноте, хотя, надо отдать должное, он с этим боролся, как мог, – бассейн, тренажерный зал и (хотя очень не любил) пробежка три раза в неделю. Воскресный любил бильярд и стрельбу. Это соответствовало его натуре – точность во всем, быстрота действий, расчет, хитрость и непредсказуемые удары. Из-за занятий спортом он не был полон, перегоняя в мышцы любой жир, случайно появляющийся на теле. Анатолий любил качественную, вкусную еду, дорогие вина, быстрые автомобили и очень ценил прекрасную половину человечества, особенно если женщина была умна. Голову от чувств он никогда не терял, переболев этим еще лет пятнадцать назад. Мужчине было лет сорок пять-сорок шесть. Темно-русый, сероглазый, с жестким взглядом, который смягчался только в присутствии дочери, он никого не впускал к себе в душу, предпочитая, чтобы его неправильно поняли, чем узнали лишнюю информацию. По натуре немногословный, но с отличным чувством юмора, он, бесспорно, был умен. Все счастье его жизни не значило ничего без дочери, его отрады и его головной боли.

– Судя по валяющемуся журналу и тишине, ты о чем-то задумалась, – это были его первые слова. Отец только что приехал из аэропорта. В Москве проходила какая-то деловая встреча, на которой он задержался на пару дней. – Все еще скулишь над своей скучной жизнью?

Анна привыкла к языку отца, который иногда грубовато, но всегда точно, одним или двумя словами передавал смысл, который у некоторых занимал не одно предложение. В общении с дочерью он даже никогда не повышал тона, не то, чтобы хоть когда-нибудь поссориться с ней; но иногда мог применить непечатные выражения, направленные, конечно же, не в адрес Анны. Дочь не закликала на этом своего внимания, тем более что подобное было очень редко и выражало только крайнюю степень негодования отца, которое нужно было еще заслужить. С детства он выбрал правильную тактику даже не воспитания, а общения с дочерью. Он был ей скорее сверстник, друг, равный ей, чем старший по возрасту или отец, которого нужно остерегаться и не перечить. Он знал, что общение с его друзьями, с самого маленького

возраста, на любые общедоступные темы избавит в будущем его дочь от многих проблем в отношениях с противоположным полом. Он добился этим главного – дочь понимала психологию мужчин, и знала, с чем их едят, и как укрощают. Благодаря тому, что все его друзья были умными и интересными в разговоре людьми, дочь тоже выросла далеко не глупой. Общение происходило, когда он перекидывался с кем-то из товарищей в присутствии дочери в бильярд, или жарил шашлыки на заднем дворе дома. Конечно же, когда они распивали горячительные напитки, дочь находилась где угодно, но не в их компании. Умному человеку вложить в голову ребенку правильные моральные принципы, при условии, что с ребенком есть взаимопонимание, не составляет труда. В период подросткового максимализма он ненавязчиво контролировал дочь, делая вид, что сильно не вмешивается в ее дела. Единственное, он ей не раз напоминал, что она для него значит, и просил ставить в известность, во сколько ее ждать дома, и с кем она идет, не ограничивая круг общения и не связывая по времени. Он всегда избегал долгих нотаций и пояснений, называя только причину и последствия, но дочь прекрасно понимала, что чем грозит. Главный принцип жизни он вдолбил ей в голову с самого раннего детства: чтобы ты не делала, и под наплывом каких бы то ни было чувств, оставайся человеком и девушкой в первую очередь, уважай себя и семью, в которой ты выросла. Она так и делала, и могла с уверенностью сказать, что порочного за собой ничего не знает. С детства отец подобрал к ней ключик: он понял, дочь бесполезно заставлять чем-то заниматься, если ее это не интересует. Таким образом, всегда удавалось настоять на своем, показывая вещи с нужной стороны.

– Ага. Скулю.... Я рада, что ты вернулся, наконец-таки. Задержался на переговорах, или отдыхал?

– Я совместил и то, и то. Днем переговоры, по вечерам отдых, – он улыбнулся.

– Седина в бороду, бес в ребро... – многозначно изрекла дочь. Настроение с приходом отца, как ртуть в термометре с наступлением жары, поползло быстро вверх.

– Я еще не так стар, чтобы искать покоя, – он достал сигарету, чтобы понюхать ее, не закуривая. От привычки курить он так и не избавился, но в комнате дочери никогда не курил. – Так сказать, в самом расцвете сил.

– Верю. Но мог бы приехать и пораньше. Я скучала, – она укоризненно посмотрела на отца.

– Ну, судя по движению средств на счетах, скука много времени не занимала. Ты все вещи в городе скупила?

– Все, – передразнила его Анна. Девушка знала, что это не укор, а просто маленькая колкость. Ее отец любил поязвить. – А что мне еще оставалось делать? Сидеть дома и книги читать? Я так зрение посажу.

– Ну, уж тебе ли не знать, что правильно и со вкусом подобранные очки не портят имиджа, а иногда даже наоборот дают изюминку. Ты столько знаешь о вкусах и моде, что давно могла бы преподавать где-нибудь в Милане тамошним модельерам.

– Хватит, – она лениво махнула рукой. – Ты никогда так не многословен, как в общении со мной. Значит, тоже скучал.

– А как иначе? – он покачал головой. – Ответ на мой вопрос: чего ты хандришь уже третью неделю? Или четвертую?

– Четвертую, – она скривила губы. – Не отпускает что-то.

– Чего тебе не хватает? – он удивился. – Я впервые встречаю женщину, которой не подняло настроение солнце Испании.

– Я первая, – она подняла с пола журнал. – И единственная в своем роде.

– Понятно. Сборка несерийная, ручная работа...

– Ручная?... – она засмеялась.

– Дочь! – отец погрозил пальцем, тоже в шутку. – Без ваших грязных намеков обойдусь. Мужика тебе хорошего надо, сразу вся дурь и тоска исчезнет. Летать по дому будешь...

– Отец! – она так же шутливо погрозила ему, но уже кулаком. – И без ваших намеков...

– Да я прямо говорю. Не школьница уже ведь. Двадцать два. Некоторые и замуж по два раза к этому возрасту выходят. А ты меня за все эти годы ни с кем, ни разу не познакомила из парней. Это как называется?

– Я очень избирательна, и всякое в дом не таскаю. А ты, почему ни разу не знакомил меня со своими дамами? Мне же тоже интересно!

– Ну, я их словом «всякое» назвать не могу, потому как сам очень требователен, к сожалению... – он возвел очи к небу, – но зачем тащить в дом кого-то с кем через пару месяцев я уже не буду?

– И я так считаю. Вопросы есть?

– Нет, начальник. Ох, горе. Ну, вот скажи, почему ты такая умная на мою голову? Где сядешь, там и слезешь! – жаловался он красивой брюнетке на обложке журнала, который взял в руки.

– Сам старался с детства. Кто книги по психологии рекламировал мне? Фрейд, Юнг, Берн! – она села на кровать, обняв подушку, и снова немного погрустнев.

– Перестарался. Не дочь выросла, а Совет Федерации. Прямо ректор МГУ, только в юбке, – брюнетка эту отповедь слушала очень внимательно, даже не мигала. Боялась слова пропустить, наверное.

– Не смотри на нее так. Покраснеет, – сквозь зубы проронила Анна.

– Покраснеет, – Анатолий Борисович, кривляясь, передразнил дочь. – Я его с собой заберу, почитаю на досуге, – он собрался положить журнал в карман.

– Отец!

– Ладно, шучу, – он кинул журнал на кровать. – Когда на работу пойдешь? – резко сменил он тон, и уже серьезно смотрел на дочь.

– А надо? – Анна искоса посмотрела на него.

– Надо. Хотя бы чтобы узнать, что это такое. Сама выбери должность и фирму, я устрою. Устройся, поработай пару месяцев, а там сама решишь, что тебе надо. Настаивать не буду, санкций каких-то вводить тоже, но тебе это самой пригодится в будущем – опыт работы с людьми в коллективе. Я бы на твоём месте попробовал, по крайней мере, от хандры избавишься, и жизнь изменишь. Меньше времени будет на мысли о всякой бредятине.

– Работа. Четкий график, ранние подъемы... – она мотала головой, хотя уже согласилась внутренне с отцом, просто хотела его немного подначить.

– Я же тебя не кирпичи класть, и не на завод в токарный цех отправляю, – он засмеялся. – С твоим маникюром, я представляю: «Папа, я сегодня треугольную многозаходную резьбу на штифты наносила». Ха...ха...ха! – его согнуло от смеха. – Не могу! Я тогда все на свете попытаю. О такой дочери мечтать только можно.

– Ага. Почему бы мне в таком случае сантехником не пойти работать? – она рассерженно посмотрела на него. – За бутылку паленки унитаза чинить? Тоже мне юморист нашелся.

– Анюта, работа любая уважаема, если она не одним местом делается, – отец укоризненно посмотрел на дочь. – Ты же на финансиста училась, в этом разбираешься хорошо, и любила предметы. Давай, я тебя на эту должность устрою куда-нибудь. Но к себе не возьму, а то гонять буду по работе, без снисхождений.

– А я к тебе и не пойду, – она положила на подушку голову. – В воскресенье я тебе назову место, куда я устроюсь. Дай время подумать.

– Не вопрос. Не выпалась?

– Да, вчера танцевала всю ночь.

– Ну тогда спи. Не мешаю, – он развернулся.

– Ага. Давай, увидимся.

– Давай.

Она заснула сразу. Ей снился Лондон.

Англия. Лондон. 1830-е гг

Туман плыл над Темзой, заволакивал горизонт, утяжелял воздух. Туман покрыл все: сады, мосты, площади и старое Вестминстерское аббатство с его кладбищем, на котором за прошедшие века упокоились Уильям Блейк, Чарльз Диккенс, Альфред Теннисон, и немало других английских мастеров слова. Теперь от них, собранных вместе в Уголке Поэтов, остались только серые плиты, кельтские кресты и глыбы памятников с эпитафиями. *Sic transit Gloria mundi*, – «Так проходит слава земная». А туман царствовал над Лондоном. Он даже скрыл купол великого творения Кристофера Рена – Собор Святого Павла, одну из жемчужин столицы Англии. Архитектор возводил собор на протяжении тридцати трех лет, и теперь любому прохожему было заметно, насколько монументально это строение, требовавшее кропотливых расчетов и нечеловеческих усилий при строительстве. Говорят, что пожилой Рен, когда в 1708 году завершил строительство, плакал над своим детищем от счастья. Уникальность этого собора еще и в том, что благодаря точным расчетам архитектора, многотонный козырек над входом держится только под тяжестью несущей стены. Колонны, на которые он якобы опирается – всего лишь красивый муляж. Между их вершиной и козырьком небольшой зазор. Архитектор не хотел ставить эти опоры, но духовенство, опасаясь, что козырек может рухнуть и накрыть собой проходящих людей, настояло на этом. Кристофер Рен послушно развел руки, молча кивнул и сделал все равно по-своему. Что же, виват, гений! Козырек за века существования собора так и не обвалился.

Как раз на творение Кристофера Рена и смотрела Анна Диманче, восхищаясь благородностью линий и монументальностью неоклассицизма. Она жалела, что купол скрывал туман, но даже фасад, видимый в белой пелене, впечатлял и очаровывал. Англия встретила француженку туманом, и вот уже третий день он не хотел оставлять эти древние кельтские земли. Холод ноября обещал скорые заморозки. Если вы зимой никогда не видели тумана, витающего над сугробами, то отправляйтесь на родину Уильяма Шекспира, и там непременно встретите это редкое природное явление. Английская погода и холодный британский юмор – вещи на любителя.... Истинная парижанка, каковой была Анна, видела, конечно же, и на своей родине величественные соборы, красивые аббатства, громадины дворцов и замков, но здесь все было абсолютно другое. Пролив Ла-Манш разделял не две страны, а два мира. Я не берусь утверждать, что англичане и сейчас не любят французов, но издревле взаимопонимания между кельтами и галлами не было. Чего стоила хотя бы Столетняя война, длившаяся с 1337 по 1453 годы! Примеров такого долгого противостояния между народами история больше не помнит (и, слава Богу!). Об этом и промелькнула мысль у Анны, когда она смотрела на хмурые бледные лица прохожих. Чопорность, непроницаемость и невозмутимость англичан разительно отличалась от французской ироничности, быстроты и хитрости, которая особенно впечатляла на лицах парижских Гаврошей, привычных для жителей этого города так же, как и туман для лондонцев или солнце для римлян. То, что она иностранка, было видно сразу – от открытости смуглого лица до покроя платья по последней парижской моде. Это ей не мешало, и даже наоборот, она не раз замечала восхищенные взгляды мужчин, отлично скрываемые под полуприкрытыми веками. Показывать эмоции бестактно для джентльмена, это одна из основ чести. Анна все прекрасно понимала, и забавлялась, иногда посылая быстрые улыбки в их стороны. Ни один из испытуемых этой красивой и веселой девушкой не прокололся и не выдал изменившимся лицом чувств. Надо отдать должное джентльменам, – я бы не смог устоять под ее чарами, хотя, воспитание – это сила, и оно у меня далеко не британское.

Анна об Англии и ее жителях знала не понаслышке, вернее, понаслышке, но от компетентного человека – гувернантки по имени Гленн, уроженки туманного Альбиона, которая с

детства воспитывала мадемуазель Диманче, и рассказала о своей родине все. Гленн отличалась от породы строгих и невозмутимых представительниц своей профессии английского происхождения так же, как арабский скакун отличается от лангедокского першерона, в лучшую, разумеется, сторону. Она обладала отличным чувством юмора, отзывчивостью, добротой, легким характером и общительностью. Если ее сослуживицы славилась своей строгостью и образованием, то Гленн не худшую образованность сочетала с человечностью по отношению ко всем, от кошек до стариков. Этим она и понравилась Полю Диманче, отцу Анны. Мать Анны, Жюстина, вышла за Поля очень рано, когда ей только стукнуло пятнадцать. Она не знала любви, ее замужество спланировали, даже не спросив мнения. Поль был сыном одного из наполеоновских генералов, и это решило все дело. Свадьба состоялась в 1810 году, когда император имел небывалую силу, и его верные соратники, генералы и маршалы, пользуясь всеобщей любовью и уважением, были еще и богатыми людьми с неплохими связями, и именно на это рассчитывал отец Жюстины, помощник прокурора. А потом наполеоновский режим рухнул, погребя под своими обломками и отца Поля, и отца Жюстины. К тому времени в семье Диманче уже было двое детей, – Анна и ее старшая сестра, которая скончалась от тифа в возрасте двенадцати лет. Анне тогда стукнуло пять. Давно же это было. . . . Сейчас ей двадцать, и у нее назначена свадьба через два месяца. Мать после смерти старшей дочери тихо помешалась, и муж поместил ее в клинику для душевнобольных. Это случилось после того, как Жюстина хотела утопить Анну в ванне. Зачем она это пыталась сделать, больная женщина не смогла объяснить, и Поль, чтобы не искушать судьбу, решил избавиться от супруги. Главное, чтобы это было на пользу дочери, которая составляла все счастье его жизни. После эпизода в ванне Анна приобрела на всю жизнь страх перед водой, хоть и пыталась бороться с этим. Поль, профессор юриспруденции в Сорбонне, дневал и ночевал в лекционной, и как практикующий, к тому же адвокат, не находил времени следить за дочерью. Поэтому в жизни Анны появилась Гленн, которую рекомендовал Полю его друг. Тому человеку англичанка доводилась дальней родственницей, сбежавшей во Францию после какой-то ошибки юности. Что это было, Поль не знал, да и не хотел знать. Ему было достаточно, что она любила его дочь как родную, заботилась о ней и давала избыток полезной информации, которую малютка впитывала с радостью.

Гленн очень скучала по своей родине. Это было странно, потому, как во Франции все лучше. Например, кухня. Она отличалась от английской так же, как погода в Лондоне и Ницце. Французы более общительные, открытые. Но гувернантке было все равно. Видимо, этот туманный остров влюблял в себя своей строгостью. . . . А быть может, она оставила в Британии кого-то, по кому скучала? Я думаю, каждого человека тянет в те места, где он провел свое детство, и именно это все объясняет. Детство Анны сопровождали легенды о рыцарях круглого стола, страшилки о ведьмах и черном псе, рассказы об обычаях консервативного острова. Анна впитала все это в себя, и теперь знала Англию не хуже ее жителей. Может, поэтому она и поехала в Лондон, чтобы наконец-таки увидеть своими глазами страну, о которой столько слышала. Отчасти так, а отчасти ей захотелось немного оторваться от своей обычной жизни, и, отстранившись от обыденности, поймать правильные мысли. Причиной поездки так же служило и скорое замужество. Нет, Анну оно не пугало, она скорее даже стремилась к нему, но что-то все равно останавливало. Она была готова поклясться на библии, что любит Жана, своего избранника, но любовь была не такая, о какой она читала в бульварных романах, коими были усыпаны парижские витрины, так же, как тюльпанами амстердамские рынки. В них любовь горела, сбивала сердечный ритм, кружила голову, а здесь. . . . А здесь она относилась к своему избраннику с нежностью, привязавшись к нему за годы дружбы, предшествовавшей помолвке, она его уважала, ценила и прислушивалась к его мнению. Жан ее устраивал. Он был умен, образован, обходителен, интересен, красив наконец-таки, да и любил ее безумно. Но что-то мешало. Головой Анна понимала, что он идеальный спутник жизни, который никогда не обидит и словом, который будет исполнять любые прихоти. За ним она сможет себя чувствовать как за каменной

стеной, купаясь в деньгах его отца–банкира (хотя она далеко не ради денег выходила замуж). Но это говорила голова. Чувства утверждали, что ей нужно съездить в Англию и успокоиться, обдумав еще раз шаг. Гленн, с которой Анна делилась всем, тоже говорила, что у воспитанницы любовь, просто такие чувства бывают много позже, когда уже есть совместное прошлое, и удивлялась подобному в столь раннем возрасте. Она советовала выходить замуж, не задумываясь, потому что с подобным раскладом Анна до конца дней будет счастлива и никогда не разочаруется в избраннике. Последняя послушно кивала, но Жан казался ей слишком... слишком правильным, что ли? Она хотела, чтобы ее избранник был более мужественным, открытым и эмоциональным, нежели сын банкира, который отличался молчаливостью, податливостью и спокойствием. Но эти мысли были лишними, как прекрасно понимала не по годам умная девушка, знающая, что с темпераментным мужем жить намного сложнее.

Из этих раздумий ее вывел незнакомый мужской голос, чуть хрипловатый, глубокий и приятный.

– Как приятно вернуться домой. Ты еще стоишь, детище старого волшебника? – говоривший мужчина с улыбкой и непередаваемой нежностью смотрел на собор, как будто это была не груда камней, а красавица в подвенечном платье.

Анна обернулась. В паре шагов от нее, на пару ступенек ниже стоял загорелый молодой человек, безупречный костюм которого, цилиндр и трость указывали на определенное положение в обществе. Высокий, широкоплечий, с темно-каштановыми вьющимися волосами и ироничным взглядом карих глаз, он мог считаться даже красивым, хотя Анна привыкла мерить красоту несколько по иным, французским меркам. Там в цене была утонченность и гибкость, а не сила и гордая стать, которая отличала незнакомца. Он был так же физически крепок, как и ловок, судя по его небрежной позе и легкости, несмотря на силу, интуитивно прослеживавшейся в фигуре. Анна удостоверилась в этом, когда он молниеносно перепрыгнул через три ступеньки, чтобы оказаться около нее.

– Мадемуазель, простите, что бестактно прервал ход ваших мыслей, заставив обернуться ко мне, – он с достоинством поклонился, проговорив извинения на чистейшем французском языке. – Я очень долго не был дома, и не смог удержаться от подобной реакции, глядя на символ моей родины.

– Я принимаю ваши извинения, – с достоинством произнесла Анна, после чего не удержалась от чарующей улыбки. Наконец-таки нашелся тот англичанин, который не боится проявления своих эмоций, и извиняется только ради приличия, не считая это преступлением. Анна с самого начала, как только ее нога коснулась пирса в Дувре, столкнулась с холодностью, отличавшей бриттов от всех остальных жителей мира, и это ее угнетало. Услужливая вежливость, безупречность манер и выправка всех – от прислуги до лордов, ее раздражала как красная тряпка быка, но сделать с этим она ничего не могла, чтобы не показаться бестактной. Приходилось подчиняться традициям, и ловить безразличие в вежливых глазах. А тут искренний и открытый молодой человек, настолько загорелый, что его трудно было принять за англичанина. Но если джентльмен говорил, что это его дом, значит, он не врал. И откуда у него чистейшее французское произношение? Ей стал интересен этот субъект, олицетворявший собой одну большую загадку.

– Позвольте представиться: Виктор Эван Макнэрн, – он опять поклонился. Безупречность манер выдавала прекрасное воспитание.

– Анна Диманче, француженка. Можете говорить по-английски, я отлично знаю этот язык, – она сделала книксен. – Но откуда вы так отлично говорите по-французски? Вы же англичанин?

– Я шотландец, мисс, – он перешел на язык Шекспира. – Но для вас это, наверное, одно и то же. Простите, если я ошибаюсь, – он наклонил голову, и снова выпрямился.

– Прощаю. Я понимаю различие.

– А французский я изучил в Марселе, где ходил под парусом на торговой шхуне с французской командой, – Виктор принял выжидающую позу.

– Вы моряк?

– В какой-то степени, мисс. Я младший сын в знатной шотландской семье. Мои предки носят баронский титул уже восемьсот лет, но мне он не светит, так как у меня четверо старших братьев. Поэтому я, с благословения моего отца, отправился в пятнадцать лет из родного дома в Вест-Энде бороздить просторы мира. Это была моя мечта с самого раннего детства. Я мечтал открыть новые страны, но, к сожалению, все континенты давно открыты. Простите, быть может, я вас утомляю излишними подробностями?

– Нет, что вы. Мне очень интересно вас слушать, – Анна опять улыбнулась. – Продолжайте, прошу вас.

– Сейчас мне двадцать восемь, я объездил полмира, и вот, только сегодня ночью ступил на родную землю. Я устал от скитаний, и мне хочется иметь что-то свое, постоянный уголок, возвращаясь куда, я буду счастлив.

– Кстати, а как вы поняли, что я французенка?

– Вы одеты по парижской моде. Я последние полгода жил в этом городе. У меня родственники имеют квартиру на Арбр Сек, у них я и гостил.

– Какое совпадение: я родилась и выросла на этой улице. Возле набережной Лувра, – она посмотрела на незнакомца с симпатией. – И как вам Париж?

– А я жил возле Сент-Оноре, в паре кварталов от вас. А Париж бесподобен! – Виктор в восхищении развел руками, как дирижер перед оркестром. – Этот город заставляет удивляться даже того, кто видел многие страны, поверьте мне. Но здесь, – он неопределенно кивнул в сторону творения Рена, – мой дом, и вы не поверите, даже в Тунисе и Дели я мечтал о туманах над Темзой и рождественской индейке, которую моя мама, не смотря на штат поваров, всегда готовила сама.

– Вот и моя гувернантка, Гленн, всегда повторяет, что красивее Англии она ничего не видела... Вы так тяжело вздохнули, – Анна с участием посмотрела на него. – О чем-то жалеете?

– Да. Жалею, – Виктор с печалью посмотрел на плиты ступеней, доставая сигару. – Я вернулся сегодня утром в свой дом, впервые за тринадцать лет, и не увидел там своей матери и двоих братьев. Я думал, что мы все вечны, но жизнь доказывает обратное. Мать уже три года как... – он поморщился, и замолк. – В любом городе мира я всегда помнил о ней, и молился за нее. Заказывая кеб на вокзале, я с радостью и нетерпением ждал, что она кинется мне на шею, как только я переступлю порог дома, но вышло не так. Мне очень ее не хватает. Да и дом чужой, мне там никто не рад. Только она радовалась бы моему возвращению...

– А братья? Что с ними?

– Они оба были офицерами в Индии. Отец мне сегодня рассказал, что их убили в один день, но один умер под Индауром, а другой в Агре. Просто так совпало. Я не буду вас утруждать подробностями произошедшего. Это ни к чему.

– Да, конечно. Вам, наверное, тяжело говорить об этом. Я знаю, что такое потеря. Моя мать умерла, когда мне было пять. Я ее не помню, о ее смерти рассказывал отец, но он с такой болью отзывался о ней, что я уверена – это была прекрасная женщина. Я выросла без нее.

– Грустная история.

– Очень.

– Как вам в Лондоне? – Виктор тактично сменил тему, чтобы не затягивать создавшуюся паузу.

– Красивый город. Но все люди какие-то не настоящие. Говорят не то, что чувствуют, скрывают эмоции, ведут себя так вычурно, будто минимум наследники престола. Ах, да, извините. Вы спросили о городе...

– Отчасти город – это его жители. Я с вами во многом согласен. Но сам Лондон от этого менее красивым не становится, – Виктор оперся на трость.

– Да, несомненно. Он не похож на Париж абсолютно, но в нем есть прелесть, – Анна поежилась от холода.

– Вы замерзли? Позвольте нанять для вас ландо, и оно отвезет вас, куда скажете, – Виктор поклонился. Он был воспитан как настоящий джентльмен, и принял этот жест за намек, что пора прекращать разговор, потому как он порядком наскучил. Он не учел, что Анна француженка и поэтому искренне замерзла, а не разговаривает жестами и намеками, как английские леди.

– Позволяю, – Анна сказала это несколько холодно, принимая жест Виктора за попытку избавиться от себя. Она подумала, что он застенялся откровенности разговора, темы, которая звучала до того. Все-таки, как подумала она, он истинный англичанин, тоже скрытный и чопорный, судя по жесту, который он проделал с миной пэра Палаты Лордов.

Виктор с непроницаемым выражением лица предоставил ей руку, на которую она оперлась, и они начали спускаться вниз со ступеней. Он стал показно-почтительным с ней, так как его самолюбие было задето неожиданным намеком с ее стороны, а холодный тон Анны подтверждал подозрения, как бы перечеркивая теплый разговор, предшествовавший ее жесту. Она не хотела прощаться с ним, а он с ней, но возникшее взаимонепонимание требовало этого. Его восхитила красивая француженка, а ей показался очень интересным этот мужчина; но всего за секунду она почувствовала разочарование, а он раздражение. Когда девушка садилась в ландо, Виктор подал руку, помогая подняться на ступеньку, и после того, как она села, низко поклонился.

– Позвольте выказать восхищение вашей красотой, мисс. Вы очаровательны. Мне жаль, что мы так мало смогли узнать друг о друге, – он распрямился.

Она поразились теплу и грусти в его голосе, и поняла, что чего-то не понимает. Он действительно был загадкой. Она достала из маленького ридикюля визитку отеля, в котором жила, и произнесла:

– Мне тоже жаль этого, – она протянула ему визитку. – Вы можете меня найти там. Мне бы не помешал гид по Лондону, если вы не сочтете это навязчивостью с моей стороны. Я думаю, француженке прощается некоторое отступление от правил?

– О да, мисс! – Виктор изысканно и одновременно радостно улыбнулся. – Можете не волноваться, что мной будут неправильно поняты ваши слова. Я весь к вашим услугам, – он опять поклонился.

– До встречи, – она очаровательно улыбнулась. Виктор закрыл дверь, назвав кучеру адрес и попутно сунув ему серебряный шиллинг. Возница этому крайне обрадовался, и ландо тронулось.

Встретились они на следующий день, после обеда. Туман наконец-таки прошел, и выглянуло солнышко, столь редкое для города, где половину дней в году выпадают осадки. Холодное ноябрьское светило не грело, но преобразило старый город до неузнаваемости, и Анна поразились строгой красоте столицы Британии. Виктор договорился о встрече, как и надлежало настоящему джентльмену с помощью письма. В письме он предложил прогуляться по Сити. Она ему ответила, передав согласие через посыльного, и через два часа они стояли перед Тауэром. Маршрут придумали по ходу, решив пройти вдоль Темзы к Вестминстерскому аббатству, и от него к Букингемскому дворцу. Виктор был интересным рассказчиком, и она заслушалась подробностями постройки зданий, тем, кто в них жил в разное время, и легендами старого города. Когда он закончил рассказывать об эпидемии чумы и великом пожаре 1666 года, уничтожившем 68% города, они подошли к аббатству.

– Давайте постоим немного. Оно величественно, – Анна посмотрела ввысь, на тонкие готические шпили башен, как иглы, устремляющиеся в небо.

– Согласен. Его в современном виде начали строить в середине XIII века. С перерывами это происходило в течение пятисот лет. Это – символ нашей родины, место коронации и вечного упокоения наших королей, – Виктор не без гордости посмотрел на Иерусалимские ворота Соборной церкви святого Петра.

– Вы столько знаете о Лондоне. Я просто поражена.

– Просто я люблю его, – Виктор улыбнулся.

– Я тоже, как мне кажется, полюбила этот город. У меня к вам просьба.

– Я к вашим услугам, мисс, – Виктор по привычке встал по стойке смирно, готовый на все.

– Я бы хотела попросить вас обходиться без этого, – Анна умело передразнила джентльмена, приняв его же позу. – Не обижайтесь на меня, я понимаю, что вы прекрасно воспитаны, но мне это мешает при общении с вами. У меня ощущение, только не примите за оскорбление мою прямолинейность, что я общаюсь с врагом, а не с другом, таким холодом веет от ваших английских манер. Сделайте исключение в честь меня. Это и есть моя просьба. Будьте в общении со мной таким, каким вы были бы, скажем, с младшей сестрой. Это возможно?

– Для меня возможно, Анна, – Виктор тепло улыбнулся.

– Вот, совершенно другое дело, – она тоже улыбнулась. – Вам идет улыбка.

– Спасибо. Вы знаете, а мне очень жаль, что у меня нет такой младшей сестры, как вы. У меня даже ощущение, что мы раньше встречались с вами.

– Мне тоже так кажется, вы мне очень знакомы. Но чему удивляться? Арбр Сек небольшая улица, может быть, мы с вами сталкивались в Париже.

– Скорее всего. Это все объясняет. Наверное, потому мы с вами и нашли общий язык так легко, ведь во мне частичка вашей родины, а в вас моей. Я долго жил в Марселе, а вы воспитывались на Шекспире, – Виктор достал сигару.

– Тонко подмечено, месье, – она весело кивнула.

– Быть может, между нами намного больше общего, чем просто жизнь на одной улице в течение полугода? – Виктор вопросительно поднял брови. – Что вы любите?

– Я немного не поняла вопрос. Мои увлечения? – Анна перевела взгляд с ажурных стрельчатых окон собора на мужчину.

– Не совсем, – он прикурил. – Я люблю свободу, путешествия, собак, оружие и вкусную еду. Что любите вы?

– То же самое, – она с интересом посмотрела на него.

– И оружие?

– И оружие, но только холодное. Я раньше занималась фехтованием на рапирах у друга моего отца.

– Мне больше нравится сабельный бой, но это не важно. Я приятно поражен, хотя, конечно, вы озвучили далеко не полный список.

– Конечно. Полный список очень длинный. А вы? Что вы не любите? – спросила она в свою очередь.

– Не люблю ложь в людях, дураков, фанатиков и неожиданные препятствия.

– Я тоже не люблю любые проявления лжи и дурости, – она кивнула. – А мы с вами похожи, не смотря на то, что родились в разных странах. Вы, месье, очень интересный человек, и я рада, что в Англии, куда я прибыла одна, у меня есть такой спутник.

– Я тоже этому рад. Анна, а разрешите личный вопрос.

– Разрешаю, если он тактичен.

– Я надеюсь, – Виктор кивнул. – Как вас отпустили одну в другую страну? Это же может быть опасно.

– Я совершеннолетняя, и отец не возражал тому, – Анна посерьезнела. – Да и кто мне может запретить делать то, что я хочу? Даже муж, будь он у меня, не послужил бы препятствием путешествию. Я не зря сказала, что люблю свободу. Я ее ценю больше всего на свете.

– Я сам такой, и ни за что на свете не позволил бы себе ограничивать кого-либо, будь то жена или дети, – он оперся на трость. – Но это редкость; Европа живет еще в прошлом веке, и женщина, по мнению большинства мужчин, создана для кухни.

– Фи, – она поморщилась. – Хотя, так и есть, многие придерживаются подобного мнения.

– Так вы говорите, что ваше сердце свободно, раз вы еще не замужем? – поймав паузу, Виктор хотел придать непринужденность тону, но немного сфальшивил, несмотря на всю выправку. Вопрос был очень интересен для него, потому как всю прошлую ночь он не мог уснуть, думая о красивой парижанке. Причин этому он не находил, хотя под утро набрел на неутешительную для себя мысль. Она гласила, что Виктор слишком долго бороздил моря и океаны, и пришел его черед остепениться, завести семью. Отсутствие длительных отношений с женщинами делало свое дело, хотелось нежности и ласки, хотелось, приходя в свой дом видеть родного человека, составляющего счастье всей жизни. Одним словом хотелось быть любимым. Вторая мысль Виктора говорила, что его жажда счастья и одновременный с этим страх одиночества заставляют придумывать чувства, и поэтому он увлекся Анной настолько, что не может нормально спать. Вот что он надумал под утро, но легче от этого не стало. Все было сложно, и чтобы не говорил разум, сердце действовало по-своему, заставляя двигаться навстречу чувствам. Виктору на самом деле казалось, что он ее где-то уже видел, и присутствовала уверенность, будто они виделись не на Арбр Сек, а она ему когда-то снилась... Но это были простые домыслы. Главное, в присутствии Анны он чувствовал полнейшее спокойствие, какого не было долгие годы в его бешеной жизни. Виктору очень хотелось услышать, что ее сердце свободно. Он понимал: вряд ли на что-то возможно рассчитывать, она здесь на пару недель, по истечению которых они навсегда расстанутся. Но разум ничего здесь не значил, впервые в его жизни отказываясь подчинить себе сердце.

Итак, вопрос прозвучал. Сначала брови Анны, вопреки ее самообладанию поползли вверх, потом она вернула их усилием воли на место, и громко выдохнула.

– Неожиданный вопрос, – она даже не знала, что ответить.

– Простите мою бестактность... – Виктор поклонился. – Долгие годы общения с матросами и солдатами обтесали мои манеры и не самым лучшим образом отразились на...

– Перестаньте, – она приложила палец к своему рту, призывая к молчанию. – Я принимаю ваши извинения, тем более что сама попросила общаться со мной без особых манер, как со своей сестрой, а ей вы в праве были бы задать такой вопрос, – она лукаво улыбнулась. – Давайте впредь договоримся с вами: вы были со мной с самого начала очень открыты, доверяя мне, и с моей стороны было бы некрасиво отвечать вам обратным, тем более я сама этого не хочу... Я вам доверяю. С первых минут знакомства мы нашли общий язык и не будем это портить недомолвками... Конечно, воспитанной девушке не правильно так говорить, – она помедлила, – но вы можете спрашивать меня о чем угодно, как и я вас. Договорились?

– Договорились, – он протянул ей ладонь для рукопожатия. – Будем друзьями?

– Да, именно так, – она ответила на приветствие. – Мое сердце занято. Это не тайна, просто вопрос был неожиданный.

У Виктора екнуло сердце, но на этот раз он ничем этого не выдал, сохранив улыбку.

– Я рад, что вы не одиноки, ведь это было бы удивительно для столь красивой девушки. Я бескорыстно завидую вашему будущему мужу, потому что такую девушку как вы можно никогда и не встретить в своей жизни. И лично я таких не встречал, хотя и видел немало прекрасных и умных мисс.

– Спасибо за комплимент, – Анна не была глупой, и поняла все движения души Виктора. Она и сама не очень хорошо спала прошлую ночь, вспоминая, как неожиданно увидела этого

мужчину, и как восхитилась его гордой выправкой и искренностью первой фразы. Его лицо было бесконечно знакомо, и веселые чертики в глазах не давали покоя. Ей он нравился, начиная от внешности и заканчивая чарующей загадочной улыбкой, какую несколько позже опишет Льюис Кэрролл. Нравился, как бы она не пыталась уйти от этой мысли. Она запуталась в себе, и не знала что думать.

– И скоро у вас свадьба намечается? – Виктор задумчиво чадил сигарой.

– Да, через два месяца, – Анна оглянулась. – А здесь есть, где присесть? У меня уже ноги болят.

– Да, пойдемте за мной. Во дворе есть пара скамей, я не думаю, что они заняты сейчас.

Когда они присели за церковью на каменной скамье, Анна неожиданно как-то изменилась и оглянулась вокруг, заинтересованно что-то высматривая.

– Вы что-то ищете? – Виктор внимательно посмотрел на нее. – Что-то потеряли?

– Что? С чего вы это взяли? – Анна опешила.

– Ваш взгляд, вы как будто искали что-то, – Виктор тоже оглянулся. – И ваш вид. Вы растеряны.

– А это... – Анна пришла в себя. – Нет, так, ерунда. Не обращайтесь внимания.

– Ну, если все считать ерундой, истина никогда не придет. Вас посетило дежавю? – Виктор догадался, какая причина вызвала у Анны такую реакцию. Она спрашивала, где можно присесть, значит, никогда раньше здесь не была, и тут оглядывается в поисках чего-то, как будто ей это место знакомо.

– Да. Дежавю. Но это действительно мелочи. Мне показалось... хотя, это не важно.

– Анна, мы договорились с вами! Доверие. Что вам показалось? – интуиция Виктора подсказала, что он должен знать об этом, что сейчас происходит нечто важное, чего он пока не осознает и не понимает.

– Это место мне знакомо, вернее, что мы с вами сидим вот так, вдвоем, и общаемся. Тоже каменная скамья и холод. Но мне показалось, что должны быть надгробья, и кусты вызревшей рябины, с морожеными ягодами на ветках. Да и вы как-то моложе, что ли? Я же говорю, это бред, – она неискренне улыбнулась.

– Рябина и надгробья? – теперь Виктор обернулся, чтобы оглядеться. – Что-то знакомое промелькнуло в ваших словах. Рябина... Как же, рябина... Кисти на ветках и на снегу, как кровь. А скамейка? Закройте глаза. Какая скамейка должна быть? Не белая, как эта, а серая, немного уже и не такая длинная? – тон Виктора изменился, теперь он был взволнован, и от его британской выправки не осталось и следа.

– Да. А откуда...

– А какая у нее спинка? – Виктор начинал догадываться о причине своего волнения. Теперь дежавю посетило его.

– С тремя каменными бутонами розы... – Анна оторопела. – А что вообще...

– Неужели это были вы? – Виктор расширенными от удивления глазами смотрел ей в лицо, как будто стараясь его запомнить. Так, наверное, смотрел бы в трамвае человек, который в соседнем пассажире узнал звезду Голливуда. – Да быть не может. Хотя вы так знакомы мне...

– Так, Виктор! – она хлопнула в ладоши перед его лицом, приводя в чувство. – Давайте по порядку и подробнее, а то я ничего уже не понимаю.

– Хорошо. Одно уточнение. На скамье была надпись «*cras tantum desiderium*», выцарапанная чьей-то рукой.

– Да, я помню. «Будущее – одна лишь скорбь». Но откуда вам это знать?

– Хорошо. Значит, я не ошибся, – Виктор радостно улыбнулся. – Мне было лет четырнадцать, когда мне приснился сон. В этом сне я сидел с прекрасной женщиной на каменной скамье за какой-то церковью, посреди небольшого кладбища. Был снег, тонким слоем покрывавший землю, холод, и вызревшая рябина, часть которой разбросали по снегу вездесущие

птицы. Три бутона розы на скамье, и эта надпись. Точно помню, что я любил эту женщину больше всего на свете. Тему разговора я не помню. Так вот, приснившийся сон тогда оставил огромный отпечаток в моей душе, но со временем забылся за всеми перипетиями жизни. Я вспомнил об этом сне только потом. Мне было двадцать два, я приплыл с грузом из Марселя в Италию. В Ливорно судно разгрузили, и меня, как старшего матроса отправили сопровождать груз во Флоренцию. Со мной поехали еще трое матросов. Мы прибыли на место уже к ночи, поэтому разгрузку и расчет отложили на следующий день. В ожидании мы отправились бродить по городу. Мы пили в каком-то кабаке, потом парни отправились спать, а я пошел искать приключения. Я был пьян, и сам не помню, как очутился перед рассветом возле какой-то церкви; меня как будто самого ноги туда привели. Я прошел за церковь, и там устроился на каменной скамье, хотел поспать. Был май месяц, уже довольно-таки тепло, поэтому я не опасался замерзнуть, располагаясь там на ночлег. Вскоре рассвело, я начал трезветь, да и сон куда-то прошел. Я оглянулся вокруг, и узнал то место из сна. Кладбища уже не было, ограда стала выше, но росла все та же рябина, все те же аркады открытой террасы на заднем дворе, и те же витражи. Но, главное, я посмотрел на скамью. Там была эта надпись на латыни и три бутона роз. Я тогда впал в ступор. Как это волнующе, загадочно и одновременно трогательно найти что-то, во что ты верил, но не мог допустить возможности существования подобного в реальности. Я долго сидел там, а потом пошел к складам на Арно. Как я узнал впоследствии, церковь называется Санта-Мария Новелла. И еще одно: я поверил, что когда-то встречу эту женщину наяву, раз встретил в реальности незнакомое место из сна за тысячи миль от дома. Была одна загвоздка – я не помнил лица. И вот, это вы. Как это объяснить? Я не знаю. А вам снилось то место?

– Нет, никогда. Но оно мне знакомо. Мне вообще редко снятся сны, и каждый из них событие. Я бы такой не забыла, вы поверьте. Мне не снилось, но это было, – она странно посмотрела на него. – Как?

– Я не знаю, – Виктор взволнованно смотрел ей прямо в глаза. – Но это было явно не в этой жизни. Вы верите в сверхъестественное?

– Я не знаю даже. Теперь, наверное, да. Но что это?

– Мы с вами когда-то были близки, и очень давно. Анна, это судьба. Вы мне верите?

– Верю, но к чему вы это говорите?

– Я себе дал слово, что если повстречаю ту девушку из сна, то никогда не отпущу ее. Я вас встретил. Анна, будьте моей женой. Я серьезен.

– Но... – она просто опешила от неожиданности. – Но я же помолвлена. Да и я вас не люблю, я люблю Жана... Мы же в разных странах живем... Нет, это глупости. Я не могу так, – она почти овладела собой.

– Анна, браки складываются на небесах, и мы с вами уже давно обручены, поверьте мне.

– Но это невозможно, – она опешила. – Нет, забудьте об этом. Не будем больше вспоминать. Это лишнее, – она с мольбой посмотрела на него.

– Да. Забудем, – Виктор грустно опустил взгляд на траву. – Простите, я, наверное, сошел с ума, когда говорил все это. Нужно быть сдержанней с вами. Вы же говорили, что ваше сердце принадлежит другому. И на что я рассчитывал, делая предложение? Ох... – он провел ладонями по лицу. – Больше мы к этому не вернемся. Давайте просто будем друзьями на время вашего визита.

– Да, – она с благодарностью посмотрела на него. – Спасибо вам.

– А какой он, ваш Жан? Мне очень любопытно, честное слово. Вы же мне простите это? – он спросил у нее немного нагло, но уже на позитивной ноте.

– Прошу, – она ответила не менее ироничным взглядом. – Жан? Он молод, красив, добр, предан мне. Он умен, великодушен и главное он любит меня. Мне с ним спокойно, у меня

ощущение, что я знаю его как себя саму, и нередко у нас даже мысли совпадают. Я уверена в этом человеке, он никогда не предаст.

– Вы так спокойно о нем рассказываете, – Виктор поглядел на нее с интересом. – У меня ощущение, что вы рассказываете о своем брате, а не о любимом мужчине.

– А как я должна? Нет, я не сплзрю, у меня не захватывает дух и не кружит голову в его присутствии, но разве это главное?

– Конечно не главное, но вы его не любите.

– Почему вы так решили? – Анна немного повысила тон, чуть раздражаясь, что незнакомый по сути человек раскусил ее чувства за минуту. – По моему спокойствию? Но любовь ведь разная бывает.

– Любовь бывает разная, я согласен, – Виктор кивнул, внутренне получив огромное облегчение. Она не любит соперника. – Поверьте, я видел много людских судеб, часто встречал на своем пути влюбленных, и не раз те, с кем я общался, рассказывали мне о своем прошлом, и об историях своих отношений. Да и сам я не вчера родился. В общем, я скажу одно: любовь – другая. Да, любовь разная, но то, что вы говорите о своем избраннике, приходит с возрастом, когда любовь уже умерла. Это привязанность, дружба, доверие и чувство родства. Но это не любовь.

– Но я люблю его! – упрямо возразила Анна.

– Вы кого хотите уверить в этом, себя или меня? Если меня, то не надо, не мне с этим человеком жить, – Виктор со всей серьезностью заглянул ей в глаза. – Вы просто подумайте обо всем. Если вы считаете подобное любовью, значит, вы никогда не любили, а если так, то рано или поздно это случится, потому что каждый человек хотя бы раз в жизни влюбляется. А когда это произойдет, вы будете удивляться по поводу жизненных сложностей... Мне продолжить дальше? Чего вы молчите? Знаете, что будет в вышеизложенном варианте?

– Нет, не знаю. Продолжайте, – она опустила голову.

– А будет вот что. Есть два варианта – либо вы уйдете из семьи, и останетесь счастливой, либо продолжите жить с нелюбимым мужем, в котором будете видеть помеху своему счастью, и после этого начнете его тихо ненавидеть. В обоих вариантах ваш Жан останется глубоко несчастен, хотя он этого не заслужил, искренне любя вас. А виноваты во всем будете только вы, потому что не сделали правильного выбора и не приняли волевого решения когда-то в прошлом.

– Но вы представьте, как ему будет больно, расстрой я свадьбу. Если бы хотела этого, конечно, – она исправилась через некоторое промедление, но Виктор понял, что на правильном пути. Он на самом деле хотел уберечь ее от ошибки, прекрасно понимая, что сам с ней никогда не будет по причине проживания в разных странах и отсутствия любви к себе с ее стороны.

– А, ну да. Вы выйдете замуж из жалости. Я скажу так: лучше открыто предать, чем думать и делать что-то за спиной, тем более быть с человеком из одной только жалости. Это чувство самое ненадежное, и легко переходит в ненависть или неприязнь при определенных условиях. Если же вы сейчас объявите ему о своем решении, то он поплачет, перегорит, и будет жить дальше. Вы останетесь прекрасными друзьями, и в будущем у вас не будет человека более преданного, чем он.

– Но он не простит меня, – Анна почти согласилась с Виктором, но ее совесть продолжала упираться.

– Простит. Он не простил бы вас, если бы вы уходили к сопернику, или если бы из-за кого-то расстроили свадьбу. Если же вы сама принимаете решение, не отталкиваясь от любви к кому-то, то это абсолютно другое дело. Да, Жан быть может, обидится на вас, если он мелочен, рассердится, если великодушен, но как только он заметит, что вы одна и возле вас нет никого, он примет вашу жизненную позицию, потому как она не предательство, а выбор. Вы понимаете разницу?

– Понимаю, – Анна кивнула. – Вы обещаете, что я в кого-то влюблюсь. Но когда это будет? Лет в семьдесят, быть может? Может, мне еще старой девой остаться?

– Так дело в этом? Вы боитесь остаться старой девой? – Виктор рассмеялся. – Вы извините, но ничего глупее я не слышал. Вы, Анна, настолько красивая девушка, что вам опасаться одиночества вообще не стоит. По одному сигналу глаз или легкой улыбке в любой из дней вы можете найти кандидата в мужа, причем сами выбрать, кому улыбаться. Это не проблема. Не проблема выйти замуж, проблема выйти за нужного человека. А если вас беспокоит более приземленное, – он выжидающе сделал паузу, но реакции не последовало, и он продолжил – то завести любовника самое простое.

– Я надеюсь, вы не думаете, что это для меня что-то значит? Благородной девушке какие-то интрижки не к лицу, и разговоры об этом я считаю оскорбительными, – она гордо вздернула нос.

– Я ничего не думаю, но я очень удивлюсь, если у вас так же искренне получится это произнести лет так через пятнадцать. Это жизнь, и не более того, – Виктор потер переносицу. – С возрастом вещи кажутся намного проще, и то, что вы считали раньше недопустимым входит в жизнь так же прочно, как например утреннее умывание. Чем раньше это поймете, тем лучше. Нелюбимых людей не бывает, жизнь рано или поздно добивается от каждого того, чего хочет.

– Я сегодня устала, наверное, прогулка к Букингемскому дворцу будет слишком утомительной, – Анна действительно выглядела немного уставшей, как-то растерянно глядя на своего спутника.

– Я понимаю, вам нужно немного побыть в одиночестве, поразмыслить. Все в порядке. Я могу рассчитывать на еще одну встречу с вами? – Виктор сменил интонацию голоса, ставшую непринужденной.

– Почему бы нет? Конечно, – Анна кивнула. – Но не сегодня.

– Анна, – Виктор аккуратно взял ее за руку, и посмотрел в глаза. – Если я сегодня был груб или испугал вас чем-то, то прошу прощения. Я прямолинейный человек, за что меня или любят или ненавидят, и поверьте, я искренне желаю вам счастья.

– Вам не за что извиняться. Я рада сегодняшней встрече, она дала мне информацию к размышлению. Я знаю, что у вас мужчины сами напрашиваются на встречу, отсылая письма. Я хочу нарушить эту традицию, и когда буду готова, сама вам напишу. Хорошо?

– Конечно. Не смею вам больше надоедать, – Виктор вежливо произнес стандартную фразу. – Пойдемте, я вас провожу до кэба.

Следующая встреча произошла двумя днями позже. Анна, как и обещала, сама написала Виктору письмо, отправив его с посыльным. В письме она выражала опасения по поводу прогулок по такой погоде, так как с утра падал мокрый противный снег, и ледяной ветер буквально сбивал с ног, но писала о желании увидеться. Виктор ответил незамедлительно, сделав официальное приглашение на ужин у себя в особняке. Анна согласилась. Она за прошедшие два дня очень много думала о своей жизни и в частности о ситуации с Виктором и Жаном. Жан казался далеким, человеком из прошлого. Она наконец-таки перестала себе врать, что любит его, и прислушалась к советам нового знакомого. Как она поступит по возвращению, Анна еще не решила, но зато с плеч свалилась гора и сомнения по поводу природы чувств улетучились. Но оставим Жана, он не интересен. Анне намного интереснее была ситуация с Виктором. Она ничего не понимала, что с ней творится. Никакой бушующей страсти в сердце не было, но к загорелому шотландцу ее тянуло как подкову к магниту. Она больше всего на свете хотела вновь увидеть его улыбку и услышать его голос. Мысли больше не видятся с ним просто и быть не могло, хотя она вертелась в голове у Анны при расставании перед Вестминстерским аббатством. Вертелась, но исчезла через несколько часов, когда Анна осознала, что уже скучает по Виктору. Ее волновал и смущал этот мужчина. Вроде чувства к нему особо не отличались от тех, которые она испытывала к Жану, но она понимала разницу. По-другому чувствовалась

нежность, по-другому ощущалось родство душ и еще что-то новое появилось в сердце, нечто похожее на тепло при воспоминаниях о нем. Голова работала исправно, мысли не путались, она могла принять любое решение, но что-то пугало ее в этом спокойствии и глубине. Она знала, что это только начало.

Особняк Виктора впечатлял. Это было старинное двухэтажное здание, стены которого увивал плющ. По фасаду дом раскинулся метров на двадцать, и предполагаемое количество комнат, как про себя решила Анна, переваливало за три десятка. Вышколенный дворецкий, безупречность его манер, и богатая, со вкусом подобранная обстановка оставляли в любом визитере только положительные эмоции. Огромный холл с высокими потолками и широкой лестницей, по которой могла проехать карета, отделанный мрамором и шлифованным гранитом, казалось, говорил: вы в доме господ. Виктор вышел навстречу Анне в прекрасном вечернем костюме, в котором и перед королевой было бы не стыдно стоять.

– Приветствую вас в своем доме, мадемуазель, – Виктор говорил на безупречном французском. – Я хочу, чтобы вы в этой промозглой осени ощутили кусочек вашей солнечной родины, и поэтому сегодня вечер Франции.

– Благодарю вас, месье. Я тоже очень рада вас видеть, – Анна приветливо улыбнулась. – Мне и в самом деле немного не хватает парижского солнца.

– Пойдемте в столовую. Сегодня Джейкоб, наш повар, превзошел самого себя. Прованская кухня мне очень нравится, особенно в его исполнении. Отдадим ему должное.

– Даже так! – Анна удивилась. – Вдвойне приятно.

– К сожалению, я не смогу вас познакомить с братьями и отцом, они на охоте в Норфолке, хотя я не уверен, что при такой погоде они хоть что-то подстрелят. Но я не буду кривить душой, вечер, проведенный с вами наедине вдвойне приятен, – они зашли в столовую. – Присаживайтесь.

– Спасибо, – она села на предложенный им стул из резного ореха. Он устроился через стол, напротив, и позвонил в колокольчик, чтобы отдать приказание подавать на стол.

– Будьте как дома, я всей душой стремлюсь, чтобы вам понравилось.

– Все отлично. У вас прекрасный особняк.

– Излишне большой, как мне кажется, но прашуры по-другому не могли, тогда только так строили.

– Старинный дом?

– Да, старый. Его начали строить при Генрихе VIII Тюдоре, в 1540-х годах. Левое крыло, фасад, более старое. Правое крыло, расположенное в глубине участка, более позднее – его завершили в 1680, при Карле II Стюарте. Галерея между ними построена в прошлом веке. Первоначально эти два крыла планировали как отдельные здания, но моему прапрадедушке негде было вешать его картины, и поэтому картинная галерея соединила два дома в один большой. Но поверьте, даже семье из двадцати человек будет здесь слишком просторно. В общей сложности, в этом особняке почти шестьдесят комнат.

– Да, он огромен. С улицы он кажется просто большим, но он очень большой. Наверняка интересно жить в старинном особняке, – глаза Анны загорелись. – Тут столько секретов. Вы в детстве не искали потайные комнаты?

– Конечно, искал, и не поверите, нашел. Этот дом был куплен нашей семьей в 1722 году, когда моего предка призвали на королевскую службу. До этого им владела одна известная фамилия, состоящая в родстве с Йорками, и ведущая свою родословную со времен саксонцев. Но получилось, что они обмелели, содержать такой большой дом были не в силах, и поэтому продали, чтобы переехать в провинцию, где цены не так кусаются, как в столице. Представители этой фамилии были яркими роялистами, и во времена Кромвеля, прямо под носом пуритан, в этом здании проходили тайные совещания сторонников монархии. Конечно, по доносам устраивали обыски, но ничего не находили. Как гласила легенда, здесь скрыта целая зала для

совещаний. Я искал, и я нашел. Теперь там мой рабочий кабинет, и никто о нем не знает кроме одной горничной, которая отныне протирает в этом помещении пыль.

– Захватывающе. А вы покажете мне это помещение? – она с диким любопытством и мольбой посмотрела на мужчину.

– Конечно. Там со времен Кромвеля ничего не изменилось, только я добавил несколько штрихов. Но сначала, давайте предадимся чревоугодию.

– С удовольствием. Мне кажется, что я не ела уже неделю. Наверное, так навевает аппетит запах пряных трав от фаршированного окорока.

– Или от пирога с рыбой, – Виктор рассмеялся. – Не важно, от какого блюда, но я понимаю, почему мой отец и старшие братья скоро не будут пролазить в двери. Нет, вы не подумайте что они такие слоны, но последние тенденции...

Анна звонко рассмеялась.

– А как же вы? Вы тоже станете степенным через пару лет? – она как-то ново, как отметил про себя Виктор, смотрела на него.

– А я – нет, – он скорчил серьезную мину. – Вы не поверите, но что в путешествиях, что здесь, я начинаю утро с хорошей физической разминки. Бег и тому подобное. А здесь я уже договорился с Якобом, младшим из старших братьев, – он улыбнулся формулировке, а Анна кивнула, что поняла его, – что буду с ним по часу в день упражняться в сабельном бое. Он неплохо рубится, а я напорист, так что я получу хорошую разрядку, а он сбросит все лишнее. Я уже обещал из него за пару месяцев выгнать все килограммы, накопленные непосильным трудом ничегонеделания за последние годы.

– Это прекрасно. У меня вопрос личного характера, – она выжидательно посмотрела на него.

– Любой.

– Все ваши братья живут здесь. Неужели все они холостяки, что не уехали отсюда?

– Нет, не в этом дело. Они все давно уже поженились, так как Якобу, следующему за мной по возрасту брату, тридцать три. Старшему, Дунстану, пятьдесят два. Но Дунстан – вдовец, Якоб тоже. Карл, средний брат и Генрих, которому сорок восемь, живут здесь вместе с женами, просто в правом крыле. Дети Генриха и Карла в пансионе, здесь появляются только на каникулах, Якоб бездетен, ну а две дочери Дунстана давно замужем. Я с женами средних братьев не нашел общего языка, и им здесь нечего делать в отсутствие мужей.

– Понятно, – Анна предалась поеданию устриц, и Виктор не стал ее отвлекать разговорами.

Еще пара часов прошли за неспешной трапезой и светской неинтересной беседой. Потом Виктор предложил Анне руку, и они пошли в тайную комнату, которую хозяин обещал непременно показать гостю. Анна, воспитанная на любовных и приключенческих романах предполагала, что вход в эту комнату непременно должен располагаться в библиотеке, что дверь приводится в действие специальным механизмом, сдвигая целые витражи, но в жизни все оказалось проще. Они прошли в холл, из него поднялись на второй этаж, и зашли в одну из спален.

– Это гостевая спальня. Постоянно здесь никто не спит, она обычно пустует, – Виктор по ходу давал пояснения всяким мелочам и рассказывал план расположения комнат. – Тайную комнату заметить невозможно, она никак не выдается из общего плана дома, даже если его изучать под микроскопом и измерять линейкой.

– Она маленькая?

– Напротив, это зал заседаний, около ста пятидесяти квадратных метров, – Виктор улыбнулся.

– Тогда вы издеваетесь. При самом простом осмотре дома с планом в руках, пустое помещение такого объема отыщется сразу же, – Анна с любопытством смотрела на него.

– Ну, так отыщите, – Виктор весело кивнул в стену. – Подсказка – вход здесь.

Анна посмотрела на ровную гладь белой стены и показала отрицательно головой.

– Я не верю. Ничего нет? Ведь так?

– Вовсе нет. Стал бы я вам врать. Просто вы, как и все прочие, не видите дверь. Вот и все. Смотрите, – при этих словах Виктор подошел к углу стены, к которому примыкала большая кровать с балдахином, и с усилием скатал перину. Подошедшая Анна увидела под периной небольшой люк. Хозяин поднял его, и запахло сыростью. Под люком оказалась лестница, уходящая вниз. – Прошу вас, мадемуазель. Я пойду впереди, спускайтесь за мной. Весь секрет, что комната находится внизу, под самым домом, и как ее не ищи, не найдешь.

– Хитро, – она кивнула.

– Очень.

Комната и в самом деле оказалась чрезвычайно интересной. Это было нечто похожее на зал в рыцарском замке, с камином и четырьмя рыцарями в латах по углам помещения, которые бдительно охраняли в течение веков этот уголок старины. Посередине стоял огромный стол, и двадцать кресел расположились вокруг него. Вдоль двух стен огромные открытые этажерки почти ломились от тысяч книг, расположенных там. Виктор зажег пять канделябров, и в комнате стало очень светло.

– Виктор, а как сюда смогли перенести все эти предметы? Вход же очень узкий, – Анна недоуменно посмотрела на хозяина, оторвавшись от лицезрения «Молота ведьм» в кожаном шагреновом переплете. – Я могу предположить, что стол собирали здесь, как и стулья, но даже вот эта книга не пролезет в тот люк, в который пролезли мы. А что это за книга?

– Анна, – Виктор рассмеялся. – На какой вопрос мне лучше ответить первым? Или на все сразу?

– Простите, я слишком разговорчива, наверное? – она лукаво посмотрела на него.

– Нет, нормально, – он с улыбкой взял ее за руку, и усадил на огромное кресло во главе стола. – Присядьте. На нем когда-то сидел Эдуард I Плантагенет. А я отвечу на все вопросы, но только по порядку. Первое – книга. Это «Молот ведьм» Шпрегена и Инститориса.

– Она огромная. Просто я таких не видела. Она старая?

– Очень. Это так называемая инкунабула, одна из первых печатных книг. Инкунабулы печатали с середины 15-го по начало 16-го века, они отличаются от поздних печатных книг рядом признаков, но это уже не интересно.

– Кресло удобное. Да, а если я не ошибаюсь, Эдуард I жил в тринадцатом веке?

– Все правильно, так что это кресло не собирали здесь, его сюда привезли, как и этот стол. Я точно не знаю, как именно попали сюда все эти предметы, но есть два варианта. Первый, что их привезли еще на стадии строительства дома, потому как это помещение было построено, несомненно, раньше того, как над ним возвели стены; тогда было принято строить тайные убежища, раз заговоры зрели грибами после дождя. И второй вариант: все вещи принесли потом через тайный вход, не из дома.

– А есть еще тайный вход? Он не один? – у нее поднялись от удивления брови.

– Конечно. Представьте: дом окружен и никак не выбраться. Что тогда делать? Для этого копали тайные ходы. Камин. Это он и есть, – Виктор показал на камин, в котором без проблем могло поместиться трехметровое бревно. – Если его не топить, то можно пройти внутрь, и сбоку будет большая дверь, скрытая от глаз уступом. Ход выводит прямо к Темзе. Но я надеюсь, любопытство не поведет вас в него? Там сыро и холодно.

– Да, интересно. Нет, конечно, я не стремлюсь его разведывать. Вы удовлетворили мою любознательность... – она замолчала, а Виктор тем временем придвинул к ней второе кресло и сел, глядя прямо в глаза.

– Анна. Если честно я думал, что больше вас никогда не увижу, – Виктор положил свою руку поверх ее, но она не убрала свою, а лишь отвела взгляд.

– У меня были такие мысли в голове, но... – она замолчала.

– Говорите, пожалуйста.

– Но я не удержалась. Я не могла допустить, что мы больше не увидимся. Виктор, вы мне делали предложение. Вы основывались только на том, что я девушка из ваших снов, и что нас свела судьба?

– Нет, не только этим. Я люблю вас, Анна, – он огорченно скривил губы. – Ну а вы нет. Это обычная история.

– Но ведь мы знакомы меньше недели.

– И что? Да, я знаю – любовь с первого взгляда невозможна, очень коротка и так далее. А кто это говорит? Люди, которые никогда так не влюблялись. Я не просто верю, что мы завещаны друг другу, я уверен, что наша с вами встреча не первая, и в прошлых жизнях, а не в этой, мы пересекались с вами и были близки. Когда я увидел вас там, на ступеньках, ваш силуэт показался мне таким знакомым и родным, что защемило сердце. Мысль, что я вернулся домой, промелькнула не тогда, когда я вышел на берег Британии, а когда ваши карие глаза оценивающе проскользнули по моей фигуре.

– Но я не верю, что есть еще жизни и, что мы с вами когда-то... нет, это невозможно. Да, объяснить все ваши сны и мои воспоминания я не могу. Скорее всего, это стечение обстоятельств, ирония судьбы, – воскликнула она эмоционально, и опустила голову, рассматривая стол. – Нет, я не верю, – добавила она тихо и как-то заученно.

– Понятно. Вы просто боитесь признаться себе во всем, что с вами происходит. Вы боитесь неизвестного, и проще всего свалить все на случай, – Виктор жестко посмотрел на гостью. – Именно поэтому вы не хотели идти ко мне, но ноги сами вас привели. Так?

– Нет, не...

– Не надо. Признайтесь себе, наконец. Вы сильная девушка, и если решили что-то делать, то непременно делаете. Почему на сей раз произошла осечка? Хотели увидеть меня из любопытства или из жалости к моим чувствам? Если так, то расстанемся раз и навсегда на этом. Мне не нужно, чтобы меня жалели как вашего Жана, я лучше повоюю от тоски в одиночестве, чем не буду уверен в человеке, которого люблю. Вы уйдете или останетесь?

– Я уйду, – она высокомерно подняла голову, и встала.

– Пойдемте, я вас провожу, – Виктор безучастно посмотрел на нее, и тоже встал. – Мне не нравятся люди, которые лгут, – он хотел вывести ее на эмоции, и ему это удалось.

– Да как вы смеете утверждать, что я лгу! С чего вы взяли такое? Вы можете копаться в моем сердце и в моей голове? Вы, философ! Вы думаете, что умнее всех на свете? – она как взбешенная фурия смотрела на мужчину, забыв про все манеры. Перед Виктором стояла обычная двадцатилетняя девчонка, а не воспитанная молодая леди. Он достиг того, чего хотел. Виктор понимал, что, соблюдая все манеры и условности, он ничего не сможет добиться в отношении девушки; ни разгадать ее чувств, ни помочь ей докопаться до них самой. Когда же люди находятся под действием злобы, все потаенное вырывается наружу, и порой человек находит то, о чем даже не догадывался.

– Нет, но я думаю, что жил на свете дольше вас и видел намного больше. Что скажете, Анна? Вам хочется уйти?

– Нет, – она удержала злобу. – Нет, не хочу. Мне с вами хорошо, – девушка прикрыла лицо руками и глубоко вздохнула.

– Вы просто запутались, – Виктор обнял ее за плечи и прижал к груди. Она не сопротивлялась этому нарушению всех возможных правил этикета. – Анна, Анна... – он вдохнул запах ее волос. – Я могу помочь вам установить за минуту, любите вы меня или ненавидите.

– Вы волшебник? – она подняла голову, с интересом и теплом глядя на него. По одному этому взгляду он понял то, что она скрывала от себя, и о чем он догадывался, но не верил.

– Нет, я мужчина, – он нежно поцеловал девушку. Она сначала дернулась, но сразу затихла, потому что из головы улетучилось все, о чем думала. Остались только он, она и стук сердца в ушах.

Он отстранился от нее и погладил ее волосы.

– Вы так прекрасны...

– Ты... – исправила она его. – Ты, а не вы.

Она сама прижалась к мужчине и заговорила, видимо тоже что-то поняв в себе.

– Ты прав, я просто запуталась и мне проще скинуть все на случай, чем на судьбу.

– Будем с этим бороться, – он заглянул ей в глаза, и хитро улыбнулся. – Ты как хочешь, но до утра я тебя не выпущу отсюда.

– Ну что ж. Я постараюсь извлечь выгоду из этого заточения, – она улыбнулась, и еще сильнее прижалась к нему.

Настало утро, Анна выпила с Виктором чай и засобиравалась в гостиницу. Он смотрел на нее, и любовался. Прошедшая без сна ночь ничуть не отразилась на ее внешности, и казалось, что усталость вообще не коснулась нее.

– Ты так внимательно на меня смотришь, – она немного застеснялась.

– Любуюсь. Я серьезно, выходи за меня. За мной ты будешь как за каменной стеной. Я могу переехать в Париж, если тебе не по душе этот дом.

– Ты ради меня оставишь своих близких?

– Не задумываясь. Я здесь никому не нужен, пойми. Я один среди родственников. Здесь никто меня не любит так, как любили два умерших брата и мать. А так... у каждого своя жизнь, и моему приезду обрадовались ничуть не больше, чем обрадовались бы покупке породистого скакуна для Дерби.

– Понятно. Одно я тебе скажу точно – ты уже в моем сердце, а как будет для нас лучше, я придумаю. Мне пора, отдохну немного, – они уже стояли в холле.

– Отдохни. Я тебя вечером опять жду в гости, – от его улыбки растаяло бы сердце даже снежной королевы.

– Ой, каким ты это тоном произнес... – она игриво подмигнула и добавила: – До скорого.

Но встреча состоялась раньше, чем предполагали. Вернувшаяся в гостиницу Анна встретила там слугу отца, Пьера с важным письмом от Гленн. Она писала, что Поль, отец Анны, попал под карету на обледенелой мостовой, и находится в очень тяжелом состоянии. Анна, едва сдерживая слезы, кинулась вверх собирать вещи. По пути на вокзал она заехала к Виктору, моля Бога, чтобы он никуда не ушел. Она не могла не заехать на прощание. Судьба была благосклонна к ней, и хозяин особняка находился дома. Анна как вихрь влетела в холл, ошеломив тем самым манерного дворецкого, и громко позвала Виктора по имени. Он появился через секунду, перепрыгивая через ступеньки, сбегая вниз.

– Что случилось? – от его обычной выдержки не оставалось и следа, только беспокойство и страх на лице. Он понял, что она вот-вот уедет, и забежала попрощаться. Эта мысль пришла интуитивно, и он больше всего на свете боялся потерять Анну.

– Отец. Он очень пострадал. Несчастный случай, – она говорила отрывисто, сиюсь пере- вести дыхание от бега.

– Я понял. Тебе необходимо уехать. Я велю запрягать ландо, у меня самые быстрые лошади в Вест-Энде, мигом прибудем в Дувр...

– Не надо, слуга отца уже взял билеты на поезд. Спасибо за беспокойство. Я приехала попрощаться... – она подбежала к нему, и кинулась на шею.

– Анна. Как мне тебя будет не хватать! – он обнял ее, и поцеловал. – Ты же вернешься? Ты же приедешь?

– Конечно. Конечно, приеду. Даже не думай об этом. Может через месяц, но обязательно. Как только отец встанет на ноги, я вернусь.

– Ты выйдешь за меня? Скажи сейчас.

– Выйду. Но не будем об этом, у меня сердце за отца болит, я...

– Да, конечно. Поезжай, я буду ждать. Если надо, то и годы. Только вернись.

– Вернусь, – она заплакала. – Вернусь.

– Мне на ум пришли два слова, откуда они я не знаю, но отчего-то мне кажется важным сказать их. Калье Роса. Тебе это не знакомо?

– Знакомо, – она вздрогнула. – Как будто костер лизнул сейчас мои ноги. Странно... Я напишу. Жди.

– Прощай... – они поцеловались, и девушка выбежала на улицу...

Одиноким старик склонился над столиком в таверне. Перед ним стояла кружка крепкого пряного эля, в тарелке расположился здоровый кусок остывшей бараньей ляжки с овощами, но старик, казалось, не замечал их. Он читал строчки, выпарапанные на деревянной столешнице с помощью штопора. Видимо, писавший тоже страдал и маялся прошлым. «Я открыл много дверей, но лишь за одной мне были рады. Я хочу вернуться туда, но время утекло». Получался какой-то белый стих, так как happiness и loss рифмоваться ни в какую не хотели, но писавшему, судя по почерку, выдававшему крайнюю степень опьянения, было на это плевать. Старик оглянулся по сторонам, и быстро выпарапал лаконичное «Аминь» под строками доморощенного поэта. Потом он глубоко вздохнул и за пару глотков выпил полкружки эля. Время, двери, рады. Эти слова крутились у него в голове, и он готов был подписаться под каждым из них. Так и в его жизни. Он ждал много лет, но она так и не приехала. Не вернулась, хотя обещала. Он не женился, детей ему Господь так и не дал, но его племянники и племянницы обожали старика и одарили его таким количеством внуков, что он не всегда мог вспомнить их по именам. Но это все так, для сердца и души, хотя даже среди этой хохочущей своры он был не до конца счастлив. Говорят, годы излечивают, но это все бред, как понял Виктор Эван Макнэрн. Он любил ее на склоне лет так же, как и тогда, в молодости. Ничего не изменилось. Ровным счетом ничего, только вот боль усилилась. Он много раз еще тогда, давно, хотел сорваться в Париж и увидеться с ней, но понимал, что это ни к чему не приведет. Она, как он понял, вышла замуж за того Жана, и быть может, счастлива с ним. Может, он ошибся, что она сорвется от мужа, влюбившись в кого-то? Она выбрала тихую гавань. Что же, главное, чтобы так было лучше для нее. Видимо, она перегорела. Или страх, все-таки оказался сильнее чувств, если она не вернулась? Кто его знает... Чего теперь гадать и жалеть? Он так и не поехал в Париж. А зачем? Смутить ее? Нет, он этого меньше всего в жизни хотел. Не стоило оно того. Он не испытывал к ней зла или обиды, выбор есть выбор и стоит с ним смириться, тем более ничего не изменишь. Жива ли она? Столько лет прошло... С этой мыслью он отодвинул недоеденную ляжку, посмотрел на часы-луковицы на серебряной цепочке, и рывком допил эль. Час ночи, пора домой.

Холод декабрьской ночи усиливался ветром из Атлантики, буквально обжигаящим лицо. Виктор поежился, и, подойдя к кэбу, хлопнул по плечу замерзшего возницу.

– Джек! Вези меня домой, милый друг. Я устал что-то сегодня.

– Слушаюсь, сэр! – Джек размотал вожжи. Ему подумалось, что дай Бог каждому в восемьдесят пять лет уставать от шатаний по тавернам. – Сэр, а можно один вопрос?

– Конечно, – Виктор был в общении со слугами демократичен, и они знали это. После смерти всех старших братьев и отца, Виктор стал бароном, но ничего не поменялось в нем, и высокомерней от этого он не стал.

– Сэр, ну почему вам милы эти зланные места? Неужели так приятно наблюдать весь этот пьяный сброд?

– Ты знаешь, дружок, мне грубые портовые грузчики во сто крат милее лживых и манерных джентльменов. Первые бьют ножом, а вторые мерзко подтачивают годами, как короеды. В этом и есть разница. Да и я никогда не нарывался на грубости, старость в почете у смельчаков

из Ист-Энда. Ко мне прислушиваются, спрашивают совета. Да и я молодею, вспоминая юность, потому, как одиннадцать лет ходил под парусом с такими вот грубиянами.

– А я и не знал, сэр.

– Джек, ты живешь в моем доме двадцать лет, и не знал этого?

– Нет, сэр.

– Так, сейчас мы прибудем и устроимся на кухне. У меня есть добрый тридцатилетний виски. Как ты на это смотришь?

– Ой, сэр. Я за, так намерзся. А вы расскажете мне о море?

– Расскажу. Только живым доведи по этой жуткой брусчатке.

– Слушаюсь, сэр, – сказал радостно возница и сбавил ход.

Его слова унес ветер, но Виктор разобрал фразу. Ему было все равно, что делать, лишь бы не спать в горьком одиночестве на холодной кровати, маясь тоской, особенно сильной в ноябре и декабре. А ветер кружил над Темзой, над Вестминстерским аббатством и над Букингемским дворцом, и в его ледяной пасти появились первые хлопья снега. Только ветер знал, что Анна возвращалась-таки к Виктору в Англию, через полтора месяца после их первой встречи, в январе следующего года. Возвращалась без письма, чтобы сделать сюрприз. Но не доплыла. Ла-Манш топил много судов, и морякам знакомо коварство этого пролива. Деревянный парусник разбило в щепы, так никого и не нашли. Если бы она осталась на родине, то была бы жива. А так... судьба. Ветер все знает. Один лишь ветер знает все.

Анна проснулась в слезах. Ей показалось, что она спала целую жизнь, но, если верить часам на стене, прошел всего час. Что это было? Что это был за сон? Она отчетливо помнила каждую деталь, и ей казалось, что если она закроет глаза, то увидит высокую гордую фигуру старика, стоящего в волчьей шубе возле кэба. А запах таверны? До сих пор она чувствует аромат грога и сладкого лука. Сон ли это, раз он настолько живой? Да, несомненно это сон. Но почему тогда сначала она видела все это глазами той девушки, а в конце откуда-то сверху? Тут ее посетила простая мысль: а как иначе, если она умерла в проливе? Ветер, шторм, и предательский скрежет кили о камни, сменяющийся треском ломаемых перекрытий. Это было. Это действительно было. Да нет, не может быть, это всего лишь сон. А незнакомец? Как его там? Виктор? До чего же он интересен ей. Жаль, что такие мужчины встречаются только во сне. Она чувствовала, что влюбилась бы в него, не раздумывая, встретиться с ним наяву. Анна закрыла глаза и постепенно остановила бешеный бой сердца и какую-то боль в груди. Что она так переживалась? Это всего лишь сон. Да, Виктор красив и интересен, она даже сказала бы, что перенесла какие-то чувства из сна в жизнь, но что теперь, с ума сходить? Это приснилось и больше никогда не повторится. А жаль, такие сны бывают раз в жизни. Одно она знает четко: из-за сна терять голову не стоит; отнестись ко всему нужно скептически, и жить дальше. По крайней мере, ей будет приятно вспоминать о сне. Нужно рассказать отцу, такие интересные сны ему уж точно никогда не снились.

Анне очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими эмоциями, бьющими через край, и самым подходящим человеком был именно Анатолий Борисович, самый лучший слушатель. Анна выбежала из комнаты и сбежала вниз по ступенькам. Она почти всегда безошибочно могла определить, в какой части дома находится отец, чисто интуитивно, чувствуя его энергетику. Сейчас ноги несли ее на кухню. Она не ошиблась.

– Папа, мне та-а-а-кое снилось! – она плюхнулась на диван возле отца, который смотрел Лигу Чемпионов по спутнику.

– Мне тоже снится. Зенит Барселону имеет. Представляешь себе? – он повернулся к дочери.

– Не представляю, – она весело улыbnулась и убавила звук на телевизоре. – В записи посмотришь. Сон был как живой...

Воскресный не стал ее перебивать, понимая, что она все равно добьется своего, и футбол ему посмотреть не удастся. Грубо отказывать не хотелось, она обидится в таком случае. Да и никто не мешал ему иногда поддакивать, смотря телевизор, на экране которого теперь беззвучно бегали игроки. Так он думал поначалу, но связный и толковый рассказ дочери заинтересовал мужчину, и уже через пару минут Анатолий, хоть и смотрел на экран, в то же время очень внимательно слушал дочь. Анна знала, что отец может делать не одно дело одновременно, и поэтому не отрывала его от игры и не заставляла пересказать услышанное. Через короткое время матч закончился, и Анатолий повернулся к дочери, внимательно слушая.

– Ну, что скажешь? – спросила Анна, когда закончила свой рассказ.

– Интересно, чертовски интересно. И этот огромный сон влез в час времени?

– Да.

– Воистину, загадочный мир у Морфея, – Анатолий потер переносицу. – Так ты говоришь, что сон был как воспоминание?

– Ну да. Такой же отчетливый.

– Дай подумать, – он откинулся на спинку. – Вообще есть два варианта – либо это просто красивый сон, либо это действительно было с тобой, но очень давно.

– Я не буду возражать. Мне поначалу и самой так показалось.

– В этой жизни я уже ничему не удивляюсь, – он посмотрел на дочь. – Один мой друг сказал, что мы живем далеко не одну жизнь.... Кто его знает?

– Ага, – она тяжело вздохнула. – Я об этом же подумала.

– И что делать будешь? – отец подкурил сигарету. – Как я посмотрю, твой сон вывел тебя из тоскливого состояния.

– Вывел, не отрицаю. А что делать?.. Да ничего, жить, как и жила. Если это не случайный сон, то судьба напомнит еще о себе; ну, а если это так, мишура, то и думать не стоит. Не искать же, в самом деле, того незнакомца?

– Конечно, нет, – Анатолий ухмыльнулся. – Мне и не приходила такая мысль в голову.

– Я пойду на работу, – неожиданно сменила Анна тон разговора. – Ты говорил, что у дяди Славы есть место в аналитическом отделе?

– Так точно. К нему?

– Да.

– Правильный выбор, – он придвинул к себе пепельницу. – Тебе это пригодится.

– Наверное. Пусть хотя бы жизнь разнообразит... – девушка посмотрела на телефон. – Слушай, мне Вика звонила, приглашала к себе. Я к часу ночи буду.

– Не вопрос, – Анатолий подмигнул. – Может, зятя приведешь?

– Иди ты... – с напускной раздраженностью, но не грубо ответила дочь. – Я так, проветрись.

– Ага, – он улыбнулся. – Давай, давай...

– Ты не исправим.

– Так понятно, старость уж скоро, куда мне...

– Тебе до старости как до Африки на лыжах, – она качнула головой. – Тоже мне, пенсионер... Все, пока. Я возьму твой Бентли? – Она спросила только ради приличия, уже скрываясь за углом кухни.

– Бери, бери... – тихо произнес Анатолий, задумчиво глядя на стену. Он знал, его уже не слышат.

3

Виктор под утро все же поспал. Ему это удалось только благодаря усталости, накопленной за шесть рабочих дней. Нет, конечно, вагоны разгружать не приходилось, и административный пост предполагал наличие чистой белой рубашки, но те, кто по долгу работы постоянно общается с покупателями, подтвердит, насколько люди иногда умеют раздражать и морально изводить. Виктору приходилось в течение недели отчасти подменять кладовщика, который приболел, и поэтому приемка поломанных приборов была исключительно на нем. Пятьдесят процентов потребителей с поломанными пылесосами, чайниками и телевизорами идут в магазин, где их покупали, как на последний бой. Человек, который заполняет форму на экспертизу товара, подвергается устрашающим взглядам, раздраженным высказываниям и общению с не всегда умными и адекватными людьми. Понятно, что Виктор всех умел поставить на место, и никому не заглядывал в зубы, но силы, затраченные на это, иногда утомляли. Его раздражало, что люди относятся к продавцам так, как будто это они сами паяют платы к кинескопам, или хуже того, закрадываются по ночам в жилище честных граждан, чтобы испортить технику (а такое в свой адрес Ильин слышал пару раз). Только Виктор не мог понять, почему же покупатели, руководствуясь подобными мыслями, не идут обратно, скажем, в аптеку, и не высказывают продавцам, что их лекарства не помогают? Понятно, что у каждого своя правда, и люди ожидают что вещь, купленная за небольшие деньги, прослужит им вечно, а продавцы удивляются такому выбору клиентов, и получается, что умение находить компромиссы – поистине редкое качество... Как бы то ни было, но Виктор морально устал за шестидневку, и начал тихо ненавидеть некоторых потребителей, искренне сочувствуя кладовщику, для которого грипп стал спасением от работы. Уж на кого, а на идиотов за время работы в розничной торговле, Виктор насмотрелся. Хорошо, что среди общего числа покупателей, их было мало, иначе желание разбить что-то или кого-то пересилило бы Ильина.

Проснулся Виктор в десять, чувствуя прилив сил и подъем настроения. Он потянулся, не вставая с кровати, и потом легко вскочил с нее. Первым делом был путь на балкон – к сигарете. Первая сигарета всегда выкуривалась очень быстро, без удовольствия. То ли дело вторая, которая курилась уже не спеша, совместно с распитием кофе. Только после этого Ильин чувствовал себя полноценным человеком, потому что голову наконец-таки начинали посещать мысли. Вообще, он был чистокровной «совой» в плане биологических часов. Некоторые люди, так называемые «жаворонки», с самого утра обладают свежестью мысли, легки на подъем и только к вечеру чувствуют усталость и сонливость. Виктор, наоборот, считал, что с утра его мозг работает только на пятьдесят процентов, и только с наступлением темноты он начинает работать в полную силу. О том, чтобы легко и сразу проснуться, не было и речи, он не раз просыпал на работу, но так как почти всегда это был минимальный промежуток времени, он не опаздывал, сделав к тому же правилом заводить будильник на двадцать минут раньше положенного срока. Это помогало. Проснуться резко и сразу Виктор мог только в случае крайней необходимости, но так как речь идет о выходном дне после тяжелой рабочей недели, необходимости будить разум не было. К слову сказать, отсутствие с утра мыслей несколько Виктору не мешало, тело его, казалось, жило по отдельным законам, и никакой заторможенности в движениях или реакции не наблюдалось.

Сварив кофе и выйдя на балкон, Ильин глубоко вдохнул свежий воздух. Утренняя прохлада еще не ушла, и ему нравилось именно это время суток, особенно осенью, когда невысоко поднявшееся солнце чертит на земле и сером, сухом асфальте длинные тонкие тени предметов, временами теряя свой свет в кучах желтой и огненной листвы. Вчерашние тучи ушли, и теплое южное солнце грело почти как весеннее. На серость дней Виктор навидался еще во время

службы на Урале, где в начале октября ночные заморозки и мокрый снег, а иногда с середины сентября уже начинает мети. Еще тогда он решил, что Юг не променяет ни на что, и его солнцелюбивому сердцу путь на Север закрыт, если конечно он не хочет пребывать как англичане в непонятной хандре, называемой там сплином. Итак, прекрасное настроение, бодрость, и ясность мысли, уникальная для Виктора с утра в выходной, были наиболее подходящими факторами, чтобы размышлять, чем Ильин и занялся. Понятное дело, он думал о ночи и о том, что ему приснилось. При свете солнца сердце успокоилось, и очарование сна, под которое он попал во тьме ночи, тоже прошло. Девушка уже не казалась чем-то чудесным, взятым не из этого мира, да и чувства, которые он вынес из видения, поугасли, и потому можно было трезво смотреть на вещи. Клятву, которую Ильин дал сам себе, – непременно разыскать девушку, исполнять он уже не спешил. Скептицизм и работа мозга давали о себе знать. Я уже говорил, этот человек очень редко поддавался романтическому настроению, и оно проходило так же резко, как и начиналось. И поэтому теперь мысль бежать неизвестно куда, в поисках мифической возлюбленной, казалась ему смешной. Уже давно прошли те времена, когда рыцари ломали копья ради прекрасных дам и шли за ними на край света. В нынешний век Урбании человек разленился. И стоит ли так утруждать себя, как некогда делали наши предки, чтобы найти нужного человека (при условии, что он не должен много денег)? В стране, где на каждые две девушки приходится один нормальный парень (а так и есть, если исключить алкоголиков и наркоманов), девушку себе найти не сложно, было бы только желание. Именно эта мысль и посетила Виктора в ту минуту. Он улыбнулся, и прикурил вторую за последние пять минут сигарету. Анна. Красивое имя, красивая девушка. Он готов был поклясться, что раньше никогда ее не видел и не слышал даже о ней, и, скорее всего то, что она приснилась ему, являлось всего лишь простым совпадением. Ему снились в жизни яркие сны, и не раз, пусть и не такие отчетливые и красивые, снились и разные девушки, и что же, он искал хоть одну из них? Нет, не дождетесь. В любом случае, воспоминание о ней пройдет, жизнь закрутит и смешает все чувства как ингредиенты в коктейле. Стоит ли тратить время на мысли, если, в конечном счете, это ни к чему не приведет?

Но она так красива. Он не мог не отметить этого, как и того, что его тянуло к ней со страшной силой. Виктор растерянно поставил чашку на стол, и присел на диван. В нем боролись два великих начала. Одно из них каждой клеточкой хотело увидеть незнакомку из сна, а другое шептало на ухо, что все это не стоит и гроша. Сердце боролось с мозгом, так бывает всегда. Голос первого Виктору был еще непонятен, так как он в свои взрослые годы никогда не влюблялся, и эта непонятность пугала. Он не хотел даже размышлять, какие чувства навеивают ему мысли о незнакомке, чтобы не сбылось то, о чем он догадывался: открывшаяся глубина попросту поглотит целиком. Поэтому оставалось идти от обратного – прислушиваться к мозгу, который работал очень даже неплохо. Даже не раздумывая, Виктор вывел для себя простые истины. Первая была в том, что девушка, скорее всего, является плодом воображения, пусть и красивая и умная, но, тем не менее, всего лишь фантом. Мечта, как он сам ее называл, – слишком хороша, чтобы быть реальной. В то, что приснившееся могло когда-либо происходить с ним наяву, он не верил, равно как и во все сверхъестественное, не говоря уже о каких-то прошлых жизнях. Сам Виктор искренне верил в Бога, считал себя православным, старался не грешить и не желать людям зла, но в то же время очень сильно сомневался в наличии ада и рая. Он вообще был натурой, в которой сочеталось несочетаемое, отчего являлся очень интересным человеком. Вторая истина говорила, что даже если предположить реальность существования девушки, то найти ее, зная только имя, в миллионном городе невозможно. Он перерыл в уме все возможные варианты, и понял: не зная фамилии, или хотя бы места, где девушка появляется, столкнуться с ней нос к носу настолько же вероятно, насколько наступить в метро на крокодила. Третья истина говорила, что девушка, будь она даже трижды реальна, не обязана жить именно в том же городе, в котором живет Ильин. Если посмотреть глобально, то даже

не обязательно, что она живет в России. Все говорило о том, что найти ее невозможно. В эти мысли вмешалось сердце, немного притихшее, под гнетом здравых рассуждений, но, наконец, подавшее свой голос. Оно сказало, что если судьба, то девушка по имени Анна еще объявится в его жизни, ну а до тех пор не стоит ломать голову. Эта мысль как компромисс немного при-мирила голову с чувствами.

Раздался телефонный звонок. По мелодии Виктор узнал: звонит Варвара, его любовница. Рабочий телефон, несмотря на строжайший запрет начальства, находясь на выходном, Ильин выключал. Его мало интересовало, что думает об этом директор магазина и иже с ним, законно считая выходной созданным исключительно для того, чтобы радовать, а не угнетать рабочими вопросами. Об этом знали все, и Денис, начальник Виктора, смирился, зная, что против своих принципов Ильин не попреет, даже под угрозой увольнения; хотя Ильин считал это не принципами, а просто частичкой свободы, необходимой каждому.

Варвара. Со вкусом у Ильина все было в порядке. Он никогда, даже в юности, когда самый большой выброс тестостерона и вечно голодные глаза, не бросался на зов первых попавшихся девушек, предпочитая сам находить тех, кто ему был по вкусу. Он уважал себя, и, видя это, его уважали и посторонние. Хотя, может, это происходило, потому что ему везло, и недостатка в женском обществе он никогда не испытывал? Будь он обделен этим, так спокойно на вещи смотреть уже не получилось бы. Кто знает? Варвара была из тех женщин, что привлекают чем-то магнетическим. В ее присутствии путались мысли не у одного мужчины, и неважно было, одинок ли человек или состоит с кем-то в связи. По знаку зодиака она была скорпионом, и астрологи, говоря, что это самый притягательный знак, в ее отношении не ошибались. Высокая, стройная брюнетка с черными глазами и пухлыми губами, она заводила Ильина одним своим видом. Варвара работала администратором в ювелирном бутике, расположенном рядом с магазином Виктора, и как-то он зашел туда присмотреть колечко для своей, теперь уже бывшей, подруги. Слово за слово, и познакомились. Первые пару недель они просто общались, пересекаясь в обеденные перерывы, или распивая кофе после работы. А потом был корпоратив, устроенный коллективом магазина бытовой техники в кафе неподалеку, на который Виктор позвал ее. Они отлично провели вечер. Случилось так, что Ильин перед этим поругался со своей девушкой, и домой ему ехать совсем не хотелось, ну а глаза подвыпившей Варвары, в которых он читал даже больше, чем хотелось ей, непреодолимо манили. Ночь была чудесная. Измена? Да. Но Ильин и так прекрасно понимал, что участвовавшие скандалы у него дома ни к чему хорошему не приведут, и расставание с Вероникой неизбежно. Потому он просто форсировал события, решив порвать с ней в ближайшие же дни. Его останавливало только то, что у подруги в жизни был тяжелый период, и бросать ее в самый пик проблем было бы подло. Поэтому, по истечении двух недель, когда она сама наконец-таки заикнулась об их взаимопонимании, он облегченно вздохнул. Так и разбежались.

С Варварой отношения были совсем иного рода, нежели прежде, с Вероникой. Взаимопонимание было полное. Ни ему, ни ей (как он думал, по крайней мере) серьезные отношения и совместное проживание были не нужны. Детей у нее не было, и Виктор никогда не спрашивал причин, ну а сама она не затрагивала этой темы. Он замечал грусть в ее глазах, когда девушка случайно обращала внимание на карапузов, но, очень ценя ее как человека, беречь раны не хотел.... Она была умна, обладала дерзким характером, чувством юмора и потрясающей женственностью, когда оставалась с ним наедине. Он мог подобрать сто эпитетов, чтобы охарактеризовать ее положительные стороны, но в то же время Виктор прекрасно понимал, что эту женщину он не любит. Да, с ней хорошо и спокойно, она поддержит любой разговор, сделав его интересным, она хороша в постели... но эта женщина не его. Девушка, совместившая в себе и любовницу и друга, Варвара была ярким эпизодом в его жизни.

– Привет, как дела? – это было первое, что он спросил у своей любовницы, с ходу.

– Отлично, только по тебе соскучилась, – ее томный голос задел в Викторе те струны, которые задевает голос женщины, с которой ты был близок, невольно навеивая приятные воспоминания об этом.

– Я тоже. Вчера думал о тебе вечером.

– И я.

– Ты еще в гостях у тети?

– Уже нет. Я тебе говорила, что она вышла замуж?

– Нет.

– Так вот, у нее три месяца назад появился законный муж, с которым мы не сошлись характерами, поэтому пришлось ретироваться на два дня раньше срока, иначе я бы ему лицо расцарапала.

– Ну, зная твой характер, я бы не удивился, – Виктор усмехнулся. – Это замечательно, что ты вернулась. Наверное, ты и позвонила сообщить мне эту приятную новость?

– Конечно. Разве я могла иначе? – спросила она, и Ильин готов был поклясться, что такой сладкий голос был у сирен, зовущих Одиссея на скалы. – А ты на работе? – в ее тон закралась горечь. Она даже не дала ответить, продолжив. – А то я тут в ванне отмокаю после долгой дороги, хотела тебя увидеть. Так жаль, что ты меня не видишь сейчас...

– Это не трудно исправить, – он лукаво улыбнулся. – Я выходной, так что жди меня через полчаса. Суббота, пробок не будет.

– О-о-о... это отлично, – в ее голосе был целый букет интонаций, и у Ильина прошел по спине озноб от предвкушения встречи. Его явно ждали.

– Все, – сказал он, – Я уже лечу. Потом пообщаемся.

– Давай. Дверь будет открыта.

Через полчаса, как и обещал, Виктор входил в квартиру Варвары. Она уже вышла из душа, и, облаченная в кружевной пеньюар, была поистине восхитительна. Он встал на пороге, любуясь ей как произведением искусства. Не смотря на то, что ничего похожего на любовь, Ильин не чувствовал, ему было очень приятно, когда такая красивая и знающая себе цену девушка не равнодушна к нему. Виктор подошел к ней, и обнял.

– Хорошо, что ты вернулась раньше.

– Согласна... – она потянулась для поцелуя.

Уже далеко после обеда они сидели на лоджии на диване, поставив перед собой две чашки с кофе по-гречески. Виктор блаженно курил, а она, подобрав под себя ноги и прислонившись к нему, мурлыкала под нос какую-то песенку. Ему было спокойно, да и ей хотелось, чтобы этот миг продлился как можно дольше. Она тоже не любила этого мужчину, но он устраивал ее всем.

– Так как там тетя? Как провела время? – он поставил чашку на стол.

– Тетя нормально, а вот я не очень. Два дня еще, куда ни шло, а с приездом Дмитрия, новоприобретенного мужа тети, началось веселье.

– Он молодой?

– Да не очень. Тете пятьдесят пять, ему под шестьдесят. Нет, в общем-то, он может и неплохой человек, мужик хозяйственный, деньги в семью тянет, не пьет, с ней почти не ругается, но характер тот еще. Все должно быть, как он скажет, хотя, тете такой и нужен, она любит над собой власть чувствовать. Дмитрий, как и я, принадлежит к той породе людей, что на человека сразу вешают ярлыки, и если уж невзлюбим кого-то, то этого уже не исправить. Я не говорю, что это хорошо, но уж как есть. Ему не понравилась я. По ходу, с первого взгляда. Мне же, видя такое отношение к себе, любить его уже автоматически было не за что. В общем, понеслось... Нет, он не оскорбил меня ничем, но подколы, взгляды исподлюбя и тому подобное. Тем более, когда я к тете приезжаю тоже без особого энтузиазма, просто так, для поддержания отношений... В общем, я уехала раньше.

– Ну да, – Виктор начал загибать пальцы, считая. – Тебя хватило всего лишь на сутки в его обществе.

– Эх!.. Не будем об этом. В общем, у меня ничего интересного, – она сделала паузу. – А вообще странно, я знаю за собой, что плохого ни ему, ни тете не сделала, а почему же такая реакция?

– Ну, всем мил не будешь. Но, я так думаю, твой дядя, – Виктор хитро улыбнулся, – неровно к тебе дышит, вот и все. Ты его до этого не видела?

– Нет.

– Я думаю, он порядочный мужик, и потому не допускает фривольных мыслей по отношению к тебе, ну а так как с влечением бороться очень трудно, проще перевести его в агрессию. Он, скорее всего, с первого взгляда почувствовал желание, но под действием смущения за такие мысли, нашел выход в неприязни. Ему по-любому легче от того, что ты уехала. Понимаешь? Я, конечно, не последняя инстанция, но вижу эту ситуацию именно в таком ракурсе.

– У меня и у самой мелькнуло такое подозрение.

– Да. То, до чего мы мужчины доходим логически, вы женщины чувствуете интуитивно.

– Ты бы хоть побрился, – она погладила его щеку.

– Пусть кожа отдыхает, тем более я не мог задерживаться, зная, что меня ждут, – он замолк, и отвел взгляд, поглядев за окно. Что-то печальное промелькнуло в его взгляде.

– Ну вот, опять. У тебя с утра что-то мелькает в глазах... – она села к нему на колени. – Другая женщина появилась, пока меня не было? – она спросила это без какой-либо ревности, просто интересуясь, так как прекрасно понимала, что между ними отношения не будут длиться вечно. Виктор был прекрасным попутчиком, но это был герой не ее романа. Она спросила это полушутя, хотя именно это чувство возникло еще раньше, при встрече. Ильин как-то изменился в ее отсутствие, но чем именно, она не могла понять.

– Глупости, – он смущенно и скованно улыбнулся. – Даже не знаю, что тебе сказать.

– Скажи как есть.

– Но это действительно глупости, на меня нашло временное, ничего не значащее наваждение.

– Ну да... – Варвара заглянула ему в глаза. – Именно из-за глупости ты уже пять раз открывал рот, собираясь что-то сказать, но замолкал не начав. Я женщина, мне любопытно. Влюбился что ли, наконец?

– Эх, Варька. Я с ума сошел, а не влюбился... – он обнял ее за плечи, и крепко прижал к себе, поцеловав в шею. – В общем, мне приснился один сон, такой необычный, что я попутал все на свете.

– И что дальше?

– Во сне я был влюблен в одну девушку, и, проснувшись, к несчастью понял, что что-то из того сна вынес и в жизнь. Понимаешь? Это ничего не значит, я уверен, что никогда с ней не увижусь, и через некоторое время даже этот сон забудется, но отчего-то грустно и... – он замолк.

– И очень жаль, что она только приснилась. Тебе, как я вижу, очень хочется увидеть ее еще раз.

– Да. В этом все и дело. Ты не поверишь, сон был настолько ясный, что, проснувшись, я думал, что мне снится эта жизнь, а не та, во сне.

– А расскажи мне, что тебе снилось. И какая девушка. Мне любопытно.

– Это долго. Но ладно, как скажешь...

Когда он закончил, Варвара грустно вздохнула.

– Это целый роман, а не сон. Но очень интересно. Испания, Средние века. И что, ты будешь ее искать? Только не говори, что нет. Может, это твоя судьба? Мне бабушка рассказы-

вала, что когда-то гадала на Крещение, и ей приснился молодой лейтенант. Она его искала, нашла, и больше не отпустила. Они с дедом почти полвека вместе прожили.

– Ты же взрослая девочка, а в такие сказки веришь.... Ладно, гадание, но я же не гадал, мне просто приснился сон. Что теперь, с ума сходить? Брось. Мне никогда не найти ее, как не старайся. А если судьба, так сама столкнет с ней. У меня нет ни времени, ни глупости, чтобы искать кого-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.